

Владимир Сорокин. ЗАНОС

Право первой публикации автор предоставил OPENSOURCE.RU
04.05.2009
<http://www.openspace.ru/literature/projects/175/details/9708/page1/>

памяти Д. А. Пригова

что-то вроде пьесы

— Первое марта, а так метет... — Станислав глянул в окно машины, покачал красивой, с ранней проседью, головой.

— Завтра еще больше навалит. Обещали... — крепкошейей водитель в серебристо-сером костюме кивнул злобно и доброжелательно.

— Мда... супрематизм... — пробормотал Михаил, щурясь на проносящиеся мимо заснеженные подмосковные поселки.

— Что? — повернулся к нему рядом сидящий Станислав.

— Так, ничего... — нервно улыбнулся Михаил. — Просто слово с утра привязалось.

— Какое? — изогнул черную, густую бровь Станислав.

— Супрематизм.

— Почему — супрематизм?

— Просто так... — Михаил вздохнул, шлепнул Станислава по коленке. — Я дико рад тебя видеть! Так хорошо, что все обошлось. И рад за тебя, очень. Мы с Натой думали, что...

— Это все думали! — белозубо засмеялся Станислав. — Обо мне все всегда почему-то думают трагически! В сослагательном наклонении!

— Стас, мы так тогда переживали, это был такой удар для всех, Ната все время плакала...И Тимур, и Бахирев, все, для всех это было просто...ну, шок прямо...

— Все обошлось, Миша. Жив, пьян и нос в кокосе... Нервничаешь? — Станислав накрыл его прохладную, узкую руку своей широкой и всегда теплой ладонью.

— Ну... — пожал плечами Михаил и рассмеялся. — Все вместе как-то...много всего сразу. И ты, и это...

— Нервничай, нервничай! Это хорошо. Обновляет кровь.

— Слушай, Стас, — решительно вздохнул Михаил, — а может все-таки...

— Даже и не думай, — Станислав ткнул его кулаком в бедро.

— Нет, ты не дослушал...

— И не дослушаю! Все, вопрос закрыт.

— Да я же не против, но давай...

— Отбой! Отговорила роща золотая. Stop looking back, baby.

— Да я за! Вопрос не в этом, ты хоть выслушай меня. Ведь двенадцатого будет корректней. И проще, и правильной...

— Закрыт вопрос, Миша. Как говорил товарищ Ленин: промедление, батенька, смерти подобно. И хватит, все. Тсс... — Станислав приложил палец к своим полным чувственным губам с узенькой, тщательно подровненной полоской усов. — Со спиной как у тебя?

— Ну... — утвердительно покачал плечами Михаил.

— Подкачался?

— Just a little... — наморщил лоб Михаил.

— Вот и ладно.

Трогая усы, Станислав отвернулся в окно.

Три массивные черных джипа неслись по белому от снежной пурги Можайскому шоссе, по разделительной полосе, обгоняя частые машины, прочь от Москвы, вслед за юркой серо-голубой милицейской бмв с проблесковым маячком на крыше. Метель клубилась и стелилась под колеса.

Минут пятнадцать ехали молча, потом бмв свернул налево, джипы последовали за

ним. Кортёж доехал до шлагбаума с двумя солдатами, стоящими в белых полушубках, с автоматами и рациями под заносимым снегом навесом. Солдат громко назвал номера джипов, рация разрешительно прохрипела. Другой солдат открыл шлагбаум. Дорога пролегла через вековой еловый бор и вскоре уперлась в зелёный металлический забор с зелёными стальными воротами. На воротах золотился герб России. Ворота плавно поползли в сторону, открывая шлагбаум, за ним такую же, но уже свежерасчищенную дорогу, и деревянный домик-КПП с окошком, телекамерами и лейтенантом милиции на крыльце. Шлагбаум сразу же поднялся. Бmw, проехав шлагбаум, резко свернул и встал на стоянку рядом с КПП, выключив маячок. Джипы тронулись дальше, но не успели проехать с пол-километра, как вдруг заснеженный бор расступился, открывая вид дивной красоты: посреди широкой, ровной, устланной снегом и окруженный вековыми елями поляны возвышался громадный, затейливый деревянный шатер на четырех могучих столбах. Островерхая четырехскатная крыша его, устланная драницей, дотягиваясь коньком почти до макушек старых елей, размашисто текла вниз и у скатов плавно изгибалась вверх всеми четырьмя углами. Под шатром, строго по центру располагались еще два таких же по форме шатра, один меньше другого, накрывающие друг друга. Под малым шатром темнела небольшая фигурка, похожая на вставшего на задние лапы медведя. Издали она выглядела совсем крошечной под этими тремя размашистыми крышами. Снежная пелена клубилась в вышине над главной крышей, завихрялась вниз по изогнутым скатам, ниспадала и, кружась, норовила затечь под этот громадный шатер. Старые, почти черные ели сурово и торжественно обстояли поляну. В бору, в мешанине заснеженных еловых лап еле различалась простая русская бревенчатая изба с голубенькими наличниками на окошках.

Сбавив ход, джипы стали медленно подъезжать к величественному сооружению. С каждым метром они словно уменьшались рядом с этой громадиной, а подъехав и остановившись, и вовсе словно превратились в три игрушечные детские машинки. Михаил неотрывно смотрел на сооружение, которое уже не помещалось в окне джипа. Станислав в это время щурился на свой iPhone, отключая его:

— Ну, и как тебе?

Михаил, опустив окно, высунул голову наружу:

— Круто.

Быстрые хлопья снега тут же упали на лицо, но он не обратил внимания.

— Мда... — он покачал головой, улыбнулся.

— Высокий, а? — гордо улыбнулся Станислав. — Тридцать два метра.

— Ёптеть...

— Размах! — шлепнул Станислав его по коленке. — Ладно, закрой, простудимся.

Михаил закрыл окно. В редких волосах его виднелись снежинки.

— Нет, ну я не думал... — возбужденный взгляд его уперся в аккуратный затылок водителя.

— И не надо думать, Миша, — Станислав достал красивый носовой платок, резко высморкался, глянул в окно. — Ага. Идет чистый человек.

Все уставились в окна машины.

От избушки по расчищенной дорожке через пургу шел человек. Он явно никуда не торопился, двигался равномерно, опираясь на посох, не обращая внимания на кружащийся вокруг него снег.

«Игумен...» — подумал Михаил.

Неспешно человек дошел до джипов и встал шагах в десяти от них. Он был высок, полноват, с непокрытой головой, на которой шевелились от ветра кудрявые, спутанные черные волосы. На плечи у него была накинута долгополая шуба черного меха. Крепкая рука опиралась на медный посох.

— Пора, Михаил Андреевич, — серьезно произнес Станислав.

Они вылезли из машины.

Станислав взял Михаила за руку и медленно подвел к человеку с посохом. Едва Михаил увидел его лицо, как сразу понял, что человек этот слеп. Лицо его было необычным: бледное, одутловатое, с мешками под белесыми, невидящими глазами, с гладким бледным и спокойным лбом мыслителя и отшельника, с массивным угреватым, упрямым носом аскета и нелюдима, с большим и тоже упрямым,

бледногубым ртом, обрамленное клочковатой черной бородой, но при этом безусое, с копной спутанных, давно не мытых, курчавых, смоляных волос, полных набившегося в них снега. В лице этом было достаточно и от монаха и от цыгана, и от разбойника. Было в нем и что-то затаенное, страшное, непредсказуемое. Долго смотреть в это лицо было трудно. Как и многие слепые, человек с посохом держался слишком прямо, слегка задирая голову, отчего казался еще выше, а росту он был солидного.

— Здравствуй, Хранитель, — произнес Станислав.

— Здравствуй, Проводник, — ответил тот глухим грудным голосом.

— Привел я человека, Хранитель.

— Что за человек?

— Зовут Михаилом. Пора ему пришла.

Хранитель протянул левую руку. Станислав взял руку Михаила и положил ее на широкую ладонь Хранителя. Одутловатые грубые пальцы с грязными ногтями сомкнулись вокруг холеных пальцев Михаила:

— Здравствуй, Михаил.

— Здравствуй, Хранитель, — произнес Михаил, ежась на ветру.

— Готов ли ты к заносу?

— Готов, Хранитель.

— Имеешь ли ты?

— Имею, Хранитель.

Хранитель пожевал губами, выпустил руку Михаила. Поднял посох и резко, с глухим стуком опустил на припорошенный снегом камень дорожки:

— Заноси!

Станислав сделал знак рукой. Тут же дверцы двух сопровождающих джипов распахнулись, из них полезли слуги в строгих одинаковых костюмах цвета окислившегося свинца. Двое вынесли свернутую ковровую дорожку, двое других — небольшой деревянный сундук. Быстро расстелив дорожку от ног Хранителя до ступеней шатра, слуги поставили на дорожку сундук рядом с Хранителем, поклонились и скрылись в машинах.

Михаил опустился на колени перед сундуком, а затем медленно согнулся, коснувшись лбом дорожки и замер в таком положении. Хранитель, не выпуская из правой длани посоха, левой коснулся сундука и ощупал его. Сундук был простым, деревянным, сделанным, как было видно, недавно и с некой нарочитой грубостью. Доски его даже не были толком остроганы. К сундуку были приделаны две железные ручки. Хранитель взялся за одну из них. За другую взялся Проводник.

— Готов, Михаил? — спросил Хранитель.

— Готов! — громко ответил тот, не поднимая лица.

— Взя-ли!

Хранитель и Проводник рывком подняли сундук и поставили его на спину Михаилу. Ощувив нешуточную тяжесть сундука, Михаил схватился правой рукой за одну из ручек, напрягся изо всех сил, судорожно встал на одно колено, крикнул и, дрожа всем телом, подтянув вторую ногу, приподнялся с сундуком на спине. Выдохнув резко дважды, как штангист, он втянул носом морозный, пахнувший снегом воздух и гусиным шагом, с сундуком на спине, двинулся по ковровой дорожке. Хранитель и Проводник пошли рядом, сопровождая его. Ковровая дорожка была цвета переспелой хурмы, с двумя розовыми полосками по краям. Снег быстро припорошивал ее. Михаил видел свои английские туфли от «Alden» и сине-бирюзовый, в желтоватую полоску галстук, раскачивающийся в такт мелким шагам. Этот галстук ему подарила теща, купив его почему-то в Бухаресте. Но галстук понравился и Нате и ему.

Михаил шел, редко втягивая носом воздух и скупое, резко выдыхая ртом. Сундук был тяжел. Но Михаил ожидал эту тяжесть и внутренне был готов к ней.

«Шестьдесят девять... — думал он, стараясь не торопиться и не сбиваться с центра дорожки и подбадривая себя. — Нормально, Мишаня-бушаня... не предел наших возможностей...»

Дорожка уперлась в деревянные ступени, выкрашенные в напряженный бордовый цвет. Ступеней было три, они вели на широкий подиум.

Михаил преодолел первую ступень, вторую. На третьей оступился. Сундук на его спине качнулся.

— Держим, держим, — раздался рядом голос Проводника.

Справившись с сундуком, Михаил застыл на третьей ступени. Отдышался, осторожно занес правую ногу, поставил на подиум. Перенес на нее центр тяжести. Крякнул. И поставил на подиум левую ногу.

— Прямо, — подсказал Проводник.

Михаил двинулся прямо, чувствуя стремительно навалившуюся усталость. Ступени отняли силы. Радужные круги поплыли у него перед глазами, кровь застучала в висках. Ноги стали подгибаться.

— Держим, держим. Идем.

Но он держал и шел уже из последних сил. Справа по дереву подиума равномерно тюкал посох Хранителя. Проводник бесшумно двигался слева.

«Господи, помоги...» — взмолился Михаил, задыхаясь.

Бордовый пол качнулся под ногами. Михаил еле переставлял дрожащие ноги, ботинки скребли по полу. Вдобавок, он вдруг разом почувствовал, что замерз. И снежный ветер, словно назло, достал его и здесь, под шатрами, толкнул в лицо, сбил дыхание. Сундук зашатался на спине. Михаил из последних сил засеменял вперед, сгибаясь все сильнее и уже готовясь завалиться вперед, но вдруг его остановили:

— Дома!

Руки сопровождающих подхватили со спины смертельно давящий сундук и с размаху, со стуком поставили его впереди на подиум. Бордовый пол загудел. В изнеможении Михаил рухнул на колени и уронил голову на грубую, занозистую крышку сундука, прижался щекой.

Отдышавшись и придя в себя, он открыл глаза. В трех шагах от него, прямо по центру трех шатров возвышалась та самая фигура, которую он издали принял за вставшего на дыбы медведя. Но это был вовсе не медведь, а скульптурная композиция, состоящая из двух человеческих фигур, соответствующих реальным человеческим размерам. Одна из этих фигур сидела на закорках у другой. Нижняя фигура была деревянной, искусно выточенной из дерева, текстурой похожего на дуб: судя по пропорциям, низкорослый человек в костюме, при галстук, в ботинках стоял на подиуме в спокойной и уверенной позе. На закорках у него, обхватив руками за плечи и шею, сидел голый человек, отлитый из темного металла, похожего на простое железо. Руки деревянного человека поддерживали за голени ноги железного. По пропорциям обе скульптуры были почти одинаковые, но выражения лиц у них сильно различались. Лицо деревянного человека было простоватым, широковатым, самоуверенным и слегка благодушным. Дубовые, коротко подстриженные волосы слегка курчавились на его голове, деревянные губы чуть расходились в полуулыбке. Голова железного человека была лысоватой, жилистое лицо сужалось к маленькому упрямому подбородку и смотрело напряженно, с неприветливой внимательностью. Небольшие, но мускулистые руки железного человека цепко оплелись вокруг широкой шеи деревянного, пальцы вцепились в предплечья, по которым бежали подробные дубовые складки. Не успел Михаил толком разглядеть скульптуру, как Хранитель стукнул посохом в пол и заговорил глухим сильным голосом:

— Великий Медопут, держатель тайных пут, прими дары от твоей детворы. Для дела, для братства, для русского богатства, супротив мирового блядства.

И сразу же перед изваянием в полу открылась круглая темная дыра. Рука Проводника коснулась плеча Михаила. Не вставая с колен, Михаил открыл сундук. Он был полон золотого песка. Сверху на песке лежал кусок медвежьего сала, вырезанного из медвежьей спины вместе с шерстью. Михаил вцепился пальцами в эту шерсть, подполз к изваянию и стал обтирать медвежьим салом дубовые ботинки стоящего. Обтерев их как можно тщательней, он принялся обтирать железные ступни сидящего на закорках. Едва он завершил сальное обтирание, как властная длань Хранителя выхватила сало у него из рук. Михаил подполз к сундуку, схватился за ручку, подтянул его к дыре. В дыре, пониже толстых досок пола неподвижно стояла темная вода. Михаил зачерпнул пригоршней золотой песок и

высыпал в воду. Она приняла его бесшумно, едва шелохнувшись. Облегченно вздохнув, Михаил стал черпать песок пригоршнями и сыпать в воду. Золотые песчинки исчезали в ней со сдержанным блеском. Он черпал и сыпал, черпал и сыпал приятно тяжелое, текущее сквозь пальцы золото, постепенно приходя в себя после заноса и успокаиваясь. Лицо его смутно отражалось в темной воде, он понял, что вода эта — чистая, прозрачная, колодезная, хотя под тремя шатрами она и казалась такой темной. Сундук постепенно пустел. От этой работы Михаил согрелся, да и метель, как ему показалось, поутихла. Хранитель и Проводник неподвижно стояли рядом, каждый со своей стороны.

«Быстрое золото... — думал он обрывочно, поглядывая вскользь на изваяние, — быстрое золото и чистая вода... ледяная вода... ни рябинки, ни следа... слава Богу, что я донес, не споткнулся... шестьдесят девять килограммов золотого песка... какие подробные ботинки у него... даже шнурки выточили... какая же это фирма... неужели старый добрый «Edward Green»?

Время словно остановилось, золото перетекало из сундука в воду, Михаил работал все спокойней и уверенней, словно делал это каждый день. Дыхание его стало ровным, вернулось внутреннее равновесие, а вместе с ним и чувство глубокого, полного удовлетворения. С каждой пригоршней золотого песка в темную воду уходило тяжкое, вязкое беспокойство последних месяцев, а вместе с ним и накопившиеся за эти месяцы душевная усталость и смутная тревога.

«Как хорошо, что это случилось...» — думал он.

Наконец, золото было вычерпано из сундука. И тут же Хранитель кинул в сундук сало, захлопнул крышку, они с Проводником подхватили опустевший сундук, пошли в сторону от изваяния и размашисто водрузили сундук на широкую черную тарелку на треножнике, которую Михаил заметил только теперь. В тарелке вспыхнул газовый огонь, охватил сундук и вскоре грубые доски его затрещали в голубоватом пламени. Хранитель и Проводник подошли к Михаилу, повернулись к изваянию. — Да здравствует Великий Медопут! — громко и торжественно произнесли они и склонились в глубоком поясном поклоне.

Михаил, по-прежнему стоящий на коленях, тоже склонился, лицо его нависло над водой. И вдруг четыре крепкие руки схватили его и с силой швырнули в дыру. Он вошел в воду, успев выкрикнуть «что?» и больно ударившись пятками о край дыры, заставив пол угрюмо загудеть. И закричал в эту ледяную, темную, смертельно обьявшаю его воду так неистово и отчаянно, что проснулся.

Подмосковный дом Михаила в коттеджном поселке «Светлые ручьи» на 1-ом Успенском шоссе. 1 марта 2009 года. 9.02 утра. Спальня. Михаил и его жена Ната в постели.

МИХАИЛ (потирает лицо, тяжело вздыхает) Уа-а-а-ах... надо же...

НАТА (обнимает его) Милый, ты так нежно стонал во сне. (игриво) Кто же тебе приснился?

МИХАИЛ (приподнимается на локтях, садится) Фу-у-у-у... хрень какая...

НАТА Что?

МИХАИЛ (смеется в изнеможении) Какая чушь! Надо же...

НАТА Не групповая любовь?

МИХАИЛ Если бы...

НАТА (обнимает его) А я была в твоём сне?

МИХАИЛ К сожалению, нет.

НАТА (надувает пухлые, недавно *надутые* губы) Ну вот! Всегда так у тебя.

МИХАИЛ Знаешь, мне приснилось, будто я... (смеется, откидывается на подушку)

Нет, это пиздец какой-то!

НАТА Ну. Не ругайся с утра. У вас сегодня Великий пост начался.

МИХАИЛ Будто я делал такой... занос...

НАТА Занос? Как это?

МИХАИЛ Такой сундук, полный золота... золотого песка... (шарит на мраморном столике сигареты, закуривает) я нес этот сундук... золотой песок... я сыпал его в такое... круглое... типа очка... (смеется)

НАТА Это просто «Граф Монтекристо»!

МИХАЛ (вспоминает) А! Я же еще Стаса видел.

НАТА Стаса?

МИХАИЛ Да, Стаса. (становится серьезным, курит) Мы с ним ехали туда... он смеялся... а я говорю: Стасик, как хорошо, что ты жив.

НАТА (вздыхает) Да, тяжелый сон. А я его во сне видела сразу после похорон.

МИХАИЛ Ты уже рассказывала.

НАТА (прижимается к нему) Миш, ну зачем ты сразу куришь? Это вредно, мы же говорили.

МИХАИЛ Жить тоже вредно...(сильно затягивается, тушит сигарету) Который час?

НАТА (смотрит на свой мобильный) Десятый.

МИХАИЛ В десять Таня приедет.

НАТА (зевает) А ко мне педикюрша к десяти ввалится. (нежно берет Михаила за гениталии) Мы утром всегда куда-то торопимся. Почему?

МИХАИЛ Ну... не всегда...

НАТА Мишенька хочет нежного?

МИХАИЛ Хочет, но...

НАТА А без «но» можно? (скидывает с Михаила одеяло)

МИХАИЛ Ну... можно и без «но»...

Ната снимает с себя пеньюар, умело ласкает Михила ртом, потом садится на него спиной к нему, начинает двигаться.

НАТА Мишеньке нравится моя спинка?

МИХАИЛ Очень...

НАТА Мишенька хочет свою Наточку?

МИХАИЛ Очень...

НАТА Мишенька любит ее сладенькую пипу?

МИХАИЛ Очень...

НАТА Мишеньке хорошо с Наточкой?

МИХАИЛ Очень...

НАТА Мишенька любит делать нежное?

МИХАИЛ Очень...

НАТА Любит делать это с Наточкой?

МИХАИЛ Очень...

НАТА Любит это делать и смотреть?

МИХАИЛ Очень...

НАТА Смотреть на наточкину спинку?

МИХАИЛ Очень... а-а-а-а-а! (кончает)

НАТА О-о-о, Мишенька кончил, так быстро?! Безумец! Безумец и террорист!

Ната слезает с Михаила, ложится рядом, обняв его.

МИХАИЛ Похмелье...

НАТА А Мишенька разрешит Наточке кончить?

МИХАИЛ Конечно... фу-у-у-у... похмелье...

НАТА (достаёт из-под кровати бархатную коробку) Ты же вроде много не пил вчера...

МИХАИЛ Польская зубровка — дерьмо. Борька ее так любит... (вспоминает, морщится) Ой, бля, они же у нас остались...

НАТА (достаёт из коробки изящный вибратор, прикладывает к своим гениталиям) Остались...

МИХАИЛ Почему они всегда у нас ночуют? Живут в Переделкино, в двух шагах... загадка...

НАТА (улыбаясь, смотрит в потолок) Загадка... загадка, Мишенька... мир, это вообще загадка... огромная...

МИХАИЛ (вытирается ее пеньюаром) Зарекаюсь пить зубровку... Боря все-таки мудака...

НАТА Мудак... конечно мудак... ой, какой мудак... А Мишенька возьмет Наточку за сосочек?

Михаил берет Нату за сосок.

НАТА (радостно глядя в потолок) Ой... как Наточке хорошо... ей сейчас будет совсем хорошо... ой, Мишенька, твоя Наточка... твоя нежная Наточка... твоя любимая Наточка... твоя единственная Наточка... твоя Наточка, твоя Наточка, твоя Наточка, твоя Наточка, твоя Наточка, твоя Наточка... конча-а-а-а-ает! (кончает, отбрасывает вибратор, обнимает Михаила)

Лежат некоторое время молча.

НАТА Согрей свою Наточку.
МИХАИЛ Нат, мне вставать пора.
НАТА Ну, и вставай, противный...
МИХАИЛ (целует ее) Не дуйся.

Михаил встает, снимает с вешалки халат, подходит к трюмо жены, стоит, переводя дыхание. Отсоединяет мобильный телефон от подзарядки, включает, кладет в карман халата. Поворачивается к иконостасу, быстро крестится, кланяется.

МИХАИЛ Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня, грешного.
НАТА Зажги лампадку.

Михаил зажигает лампадку, выходит из спальни. Оказывается в просторной ванной комнате. Сбросив халат, мочится стоя в унитаз, подходит к раковине, смотрится в зеркало.

МИХАИЛ Отговорила роща золотая... Ёптеть, как же я играть-то буду...

Умывается, чистит зубы, берет электробритву, подумав, кладет на место. Заходит в душевую кабину, принимает контрастный душ, подбадривая себя вскриками и кряхтением. Выходит из кабины, растирается полотенцем, прыскается дезодорантом, смазывает руки кокосовым маслом, растирает, надевает халат, выходит из ванной, спускается вниз по лестнице. На ходу достает мобильный, набирает номер.

МИХАИЛ Таня? Здравьете. Вы уже в пути? Ааа... понятно. Да нет, я просто хотел перенести на попозже... Нет, нет, ничего. Сделаю усилие. Это полезно. Жду вас.

Убирает мобильный в карман, проходит через пустую гостиную, сворачивает в малую кухню. Там готовит завтрак кухарка Людмила и пьет кофе слуга Сергей.

ЛЮДМИЛА, СЕРГЕЙ С добрым утром, Михал Андреич.

МИХАИЛ Доброе утречко. Боря с Гелей не встали?

СЕРГЕЙ Нет еще.

МИХАИЛ Слава Богу.

ЛЮДМИЛА Завтракать будете?

МИХАИЛ Нет.

Проходит в большую кухню, открывает холодильник, достает лимон, разрезает его пополам, выдавливает в стакан, добавляет воды и ложку меда, размешивает, выпивает залпом. Достает с полки бутылку с настойкой женьшеня, наливает в стакан чайную ложку, добавляет воды, выпивает. Достает из ящика «Алкозельцер», бросает в стакан таблетку, замечает на настенных часах время 9.30, включает радио «Эхо Москвы», садится за стол, положив ноги на стол, слушает новости, пьет из стакана. Входит Сергей.

СЕРГЕЙ Михал Андреич, завтрак когда накрыть?
МИХАИЛ Когда эти встанут.
СЕРГЕЙ Здесь или на веранде?
МИХАИЛ Здесь... или, нет. Давай на веранде, что ли.
СЕРГЕЙ Хорошо. (выходит)

Михаил сидит некоторое время, слушая радио.

МИХАИЛ Люд! Сделай мне маленький эспрессо.

В кармане халата Михаила звонит мобильный.

МИХАИЛ (достаёт мобильный) Да, Нат.
ГОЛОС НАТЫ Миш, ты представляешь, звонит педикюрша, ее занесло на повороте возле Лапино, машина в березу врезалась.
МИХАИЛ Ни хрена себе. Она-то как?
ГОЛОС НАТЫ Жива, цела вроде.
МИХАИЛ В березу! Чего она, разогналась, что ли? Водит давно?
ГОЛОС НАТЫ Там лед на повороте, Мишенька! Занос. Ужас, а?
МИХАИЛ Помощь ей нужна?
ГОЛОС НАТЫ Она вызвала ГАИ и ангела. Вытащат... Главное — сама цела, правда?
МИХАИЛ А береза? Цела?
ГОЛОС НАТЫ Тебе все хиханьки.
МИХАИЛ И хаханьки. Ладно... (зевает) Без педикюра я тебя хочу еще сильнее.

Убирает мобильный. Людмила вносит чашку с эспрессо.

МИХАИЛ Мерси. (пьет кофе) В березу... (усмехается) Мда... как жену чужую обнимал березку... (вспоминает) Да. (достаёт мобильный, набирает номер)
ГОЛОС СЕКРЕТАРШИ Слушаю, Михаил Андреевич.
МИХАИЛ Роза, день добрый.
ГОЛОС СЕКРЕТАРШИ Здравствуйте.
МИХАИЛ Меня не будет сегодня. Пусть они над договором не работают сегодня, ясно?
ГОЛОС СЕКРЕТАРШИ Все отменяется?
МИХАИЛ Да. На завтра перенеси. Без меня пусть не работают. Никакой инициативы. Скажи Аванесову. На завтра. На то же время.
ГОЛОС СЕКРЕТАРШИ 13.00.
МИХАИЛ Да, в час.
ГОЛОС СЕКРЕТАРШИ Хорошо.

Михаил убирает мобильный. Входит Сергей.

СЕРГЕЙ Михал Андреич, Таня приехала.
МИХАИЛ Так рано? Еще десяти нет! Черт... (встает) чего она так рано... Вот кого никогда и нигде не заносит... Ладно, пусть переодевается, я буду через пять минут.

Выходит из кухни, поднимается на второй этаж, идет в гардеробную, снимает халат, не торопясь, надевает трусы, шорты, майку, белые махровые носки, кроссовки. Смотрит на себя в зеркальную дверь платяного шкафа, трогает щеки, потом массирует шею.

МИХАИЛ Супрематизм Супрематизмович Супрематизмов...

Делает перед зеркалом легкую разминку. Потом садится на пол, на колени, сидит, закрыв глаза и сосредоточенно вдыхая носом и выдыхая ртом. Встает рывком с колен, спускается по лестнице в подвальный этаж, проходит в спортзал. Посередине

спортзала стоит стол для настольного тенниса. Возле стола разминается Таня. Она в майке, короткой юбке, кроссовках. Ей девятнадцать лет.

МИХАИЛ (поднимает сжатый кулак) Татьяна.
ТАНЯ (с улыбкой поднимает свой кулак) Михаил.
МИХАИЛ (подходит, протягивает руку) Как оно?
ТАНЯ (пожимает ему руку) Окидок!
МИХАИЛ Стукнемся?
ТАНЯ Стукнемся!

Михаил подходит к полке, берет свою ракетку, прыскает на нее спреем, потом стирает влагу с резины специальной губкой. Таня вынимает из футляра свою ракетку, берет шарик, ловко и быстро бьет его три раза об пол, занимает место у стола, жонглируя шариком и пританцовывая на месте. Михаил встает напротив. Они разыгрываются.

После пятиминутного разыгрывания, Таня берет сетку на стойке, полную шариков, ставит справа от стола, берет шарик, набрасывает Михаилу, который старается исполнить топ-спин справа. Так она набрасывает шарик за шариком, комментируя и давая советы.

ТАНЯ На правую ногу упор... ноги полусогнуты...и раз... руку заносим... и раз... вращательно двигаем корпус влево... и раз... и пошел упор на левую... и выход... и снова на правую... и руку заносим... занос руки... и раз... и занос руки... и раз... стоп!

Тренинг останавливается.

ТАНЯ Михаил, я, повторяю, ну, повторяю и буду повторять: главное в топсе — правильный занос руки. Занос! Без правильного заноса руки ничего не получится, сто пудов. Все начинается с кисти, а за кистью и весь корпус пошел, пошел, пошел... (показывает) и раз: правильный подход к мячу. Если есть правильный занос руки — есть и правильный подход к мячу, есть правильное касание. А так идет простой накат. А простой накат нам не нужен.

МИХАИЛ Absolutely!
ТАНЯ Делаем занос?
МИХАИЛ Делаем занос!
ТАНЯ (накидывает мяч) Топсик, в гости к нам!
МИХАИЛ Топсик, в гости к нам!

Тренинг продолжается. Шарики в сетке кончаются.

МИХАИЛ (устало дыша) Отдохнем.
ТАНЯ Отдохнем.

Михаил берет полотенце, вытирает лицо и шею, садится в кресло, берет с журнального столика колокольчик, звонит. Входит Сергей с подносом, ставит на столик свежавыжатый сок, воду, стаканы. Уходит. Михаил разливает сок, они с Таней берут стаканы, чокаются.

МИХАИЛ За топс.
ТАНЯ За топс.

Пьют сок: Михаил — сидя в кресле, Таня — прислонившись к колонне.

МИХАИЛ Ммм... хорошо. Фуу... похмелье проходит.
ТАНЯ Вчера пили?
МИХАИЛ Последний день масленицы. Необходимо.
ТАНЯ Блины, да?
МИХАИЛ Блины.

ТАНЯ А у нас мама в четверг пекла. С селедкой.

МИХАИЛ А ты совсем не пьешь?

ТАНЯ Почему? По праздникам, ну, там, на днях рождения. Я мартини белый люблю.

МИХАИЛ Хороший выбор.

Пьют молча.

МИХАИЛ (встает, допив сок) Стукнемся?

ТАНЯ Стукнемся.

Играют тренировочную партию, Таня не наносит атакующих ударов, только пассивно обороняется. Михаил выигрывает 11-8.

ТАНЯ Михаил, занос руки. Занос руки.

МИХАИЛ Да, да, да.

Играют вторую тренировочную партию. Михаил выигрывает 11-7. Делают паузу, пьют сок и воду.

МИХАИЛ Ну, что, реальную?

ТАНЯ Реальную.

Играют настоящую партию. Михаил проигрывает 5-11.

МИХАИЛ (тяжело дыша) Не побил рекорда.

ТАНЯ Похмелье!

МИХАИЛ Да, похмелье. Спасибо, Тань. В душ и завтракать.

Татьяна берет свою сумку, убирает ракетку, идет в душевую. Михаил поднимается на второй этаж, принимает душ, переодевается в китайский костюм, в котором последнее время ходит дома, неспешно спускается вниз, проходит на зимнюю веранду. Здесь за столом уже сидят Ната, ее брат Анзор, Борис, его жена Геля. Анзор модный телеведущий российского MTV, эту зиму живет в доме Михаила из-за ремонта в своей новой квартире. Борис скульптор, он чуть постарше Михаила. К столу, кроме йогуртов и легкой закуски поданы оставшиеся со вчерашнего вечера блины и шампанское. От приготовленной Людмилой овсянки все отказались. Сергей прислуживает.

МИХАИЛ Доброе утречко всем.

БОРИС (поднимает бокал) Аве, цезарь!

ГЕЛЯ (целует Михаила) Мишенька, как у вас славно спится!

АНЗОР Как сыграл?

МИХАИЛ (садясь на свое место) Вполне. Чего не присоединился?

АНЗОР Ну, нам, профанам...

НАТА Миша, педикюрушу ангел увез.

МИХАИЛ Слава Богу. Можно закусить спокойно.

Все смеются.

МИХАИЛ Так. А кто разрешил пить шампанское?

БОРИС Я! Именем Ли Бо и Кальтенбруннера. Они оба начинали свой день с вина!

МИХАИЛ Второй плохо кончил.

БОРИС Да, да! (смеется) А я и забыл об этом!

МИХАИЛ (колеблется, затем говорит Сергею) Сереж, плесни и мне, что ли.

БОРИС Отлично! И очень правильно!

Сергей наливает Михаилу шампанского.

АНЗОР Профаны опохмеляются пивом.
НАТА Анзорчик это всегда говорит.
БОРИС Истину не грех и повторить-с!
ГЕЛЯ Миша, повторюсь в сотый раз, у вас чудесный вид из мансарды, особенно зимой. Я утром выглянула: чудо! Все занесло! Белое, красивое! И поле видно!
МИХАИЛ You are welcome, Геля. Поля скоро не будет. Ладно, господа, с началом Великого поста. (поднимает бокал)

Все смеются, чокаются, пьют.

НАТА А я не пью! Вот так!
БОРИС Натка, благодаря тебе мы все спасемся!
НАТА (шутливо бьет его по губам) Не богохульствуй!

Входит Таня.

ТАНЯ С добрым утром.
АНЗОР Таньк, чао. А я встал поздно.
НАТА Садитесь, Таня.
БОРИС Вы — та самая мастер?
ТАНЯ Я мастер.
МИХАИЛ Мастерница. На все руки.
БОРИС Выпьете с нами декадентского напитка?
ТАНЯ Я за рулем.
БОРИС (удивленно пожимает плечами) Я не вижу у вас никакого руля.

Все смеются.

ГЕЛЯ Господа, давайте выпьем за Наточку и Мишу. Вчера было так чудесно! Ребята, как у вас всегда уютно, и так просто, и без понтов этих, и...
БОРИС И пьется хорошо, и естся! Миша, шоб ты так жил и впредь!
МИША Буду, буду. (стучит по дереву)

Чокаются, пьют.

МИХАИЛ (Борису) Все хорошо, кроме твоей любимой польской зубровки. Напоил меня дрянью. Голова еле прошла. Благодаря Тане.
НАТА Я думала — благодаря мне?!
МИХАИЛ Вы обе сегодня потрудились.

Смеются.

БОРИС А по-моему — достойная водка. У меня вообще... ничего... Как говорил мой дедушка: бутылку выпил, и ни ветра в жопе!
НАТА Борька-реалист!
БОРИС Я сюрреалист!
АНЗОР Польская тема уже не актуальна. Если бы вы вчера пили чачу, я бы поддержал разговор.
МИХАИЛ «Вы»! А ты что, зубровку не пил?
АНЗОР Я пил виски. Родной бурбон.
МИХАИЛ А, да... ты пил виски. (кивает Борису на Анзора) Он сообразительный, да?
БОРИС Поколение текилы.
МИХАИЛ А пьет почему-то бурбон!

Смеются.

НАТА (гладит голову Михаилу) Как твоя головушка?
МИХАИЛ Полегче.

НАТА Покинешь нас?
МИХАИЛ Я все отменил.
НАТА Ты с нами?
МИХАИЛ (жуёт) С вами, с вами...
ГЕЛЯ Ура! Миша с нами!
БОРИС Миша с нами! (поднимает бокал) За Мишу!
ПЬЮЩИЕ За Мишу!

Чокаются, пьют

ГЕЛЯ Наточка, я вчера забыла спросить: а где ж ваш попугай? Ара ваш этот... как его зовут-то...
НАТА Мокша.
ГЕЛЯ Да, Мокша. Упорхнул что-ли?
НАТА Мы его отдали соседям.
ГЕЛЯ Да-а-а?
НАТА Да. Мише он надоел.
БОРИС Мишаня, ты не любишь птиц?
МИХАИЛ Я не люблю птиц в клетках.
НАТА Нам Тофик подарил, вы знаете.
АНЗОР А дареному попугаю в клюв не смотрят.
НАТА Мише он надоел. Ну, правда, он утром говорил непонятные, академические слова. Ни одного нормального слова!
МИХАИЛ Он говорил часто, например, «метареализм».

Смеются.

НАТА Утро начиналось с метареализма!
МИХАИЛ Не в этом дело. Меня просто раздражает, когда кто-то рядом в клетке сидит. В этом есть некий неприятный намек.

Посмеиваются.

НАТА Потом, у этих Лаврухиных уже есть канарейки. Я ей предложила, она так обрадовалась! У них трое детей, в зимнем саду просто живой уголок: свинки морские, питон, черепаха большая такая, канарейки. И наш Мокша теперь летает между пальмами!
МИХАИЛ Без клетки лучше.
АНЗОР Лучше.
БОРИС Лучше, в сто раз! Ой, хорошо... Послушайте, братья во Христе, а не выпить ли нам водки?
ГЕЛЯ Начинается!
АНЗОР Я лучше покурю.
НАТА Миша, Боря хочет водки.
МИХАИЛ Я слышал. (Сергею) Сереж, принеси водки. И закуски.
ГЕЛЯ Миша разрешает с утра выпить водки!
БОРИС И закуски поострее!
ТАНЯ (делает себе сэндвич) Круто так пить с утра.
МИХАИЛ Люди крутые, Таня.
БОРИС Да. Мы крутые.
ТАНЯ (Борису) А вы кто по профессии. Писатель?
БОРИС Хуже! Скульптор.
ТАНЯ Скульптор? Вы лепите...разное?
БОРИС Разное! Очень!
ТАНЯ И давно уже?
БОРИС Стра-а-а-ашно давно, Танюша. Миш, я не рассказывал про мою первую скульптуру?
МИХАИЛ Что-нибудь похабное?

БОРИС Совсем нет! В школе суриковской нашей на лепке наш мудака Иван Константинович поставил сверхзадачу: изваять что-нибудь по повести Гайдара «Дым в лесу». А я вообще не открывал это великое произведение. Ни в зуб ногой! Но лепить-то надо. Ну, слепил костерок такой, а к нему присобачил такую колбасу из серого пластилина. Килограмма на три! И рядом пару елочек вылепил. «Дым в лесу».

ТАНЯ И что вам поставили?

БОРИС Два балла!

Смеются. Сергей вносит водку и закуску.

БОРИС Вот она!

АНЗОР (набивает себе косяк) Ужасный напиток.

НАТА (Геле) А мы с тобой что пить будем?

ГЕЛЯ Ну... винца?

НАТА Беленького?

ГЕЛЯ Ага.

НАТА Сереж, там мое любимое... да?

Сергей кивает, разливает водку по рюмкам, уходит за вином.

БОРИС Ждем дам-с или нет? (поднимает рюмку) Михаил? А ты что пьешь?

МИХАИЛ Не знаю... может, немного вина. Или, нет, чаю.

БОРИС Миша, ты потеряешь многое.

МИХАИЛ Уже потерял.

БОРИС Ну, я не про то...

Смеются.

ГЕЛЯ Мишенька, мы читали, что ты из мульты стал просто миллионером.

МИХАИЛ Правда. И еще много должен.

АНЗОР (раскуривая косяк) Мы все кругом должны... А вот и «Дым в лесу», Борь.

Лепи с натуры! Кто со мной?

БОРИС Нет, я за чистоту жанра. (поднимает рюмку) Ну, где вино?! Сергей! Ау!

АНЗОР Сергея съели мокрицы.

НАТА Анзор-чик. (протягивает руку)

Анзор передает Нате папиросу, она затягивается, передает Геле. Та затягивается, протягивает Тане.

ТАНЯ (слегка колеблясь, берет) Это лучше, чем водка. (Затягивается, протягивает папиросу Михаилу, тот берет, затягивается, возвращает папиросу Анзору)

БОРИС Я смотрю, с кокоса Москва гламурная перешла на белый чай с анашой.

АНЗОР Давно уж...

ГЕЛЯ Кокос это такая дрянь.

НАТА Особенно московский.

АНЗОР (затягиваясь) Да... теофедрин натрут тебе за 140 баксов... кидалово нереальное...

НАТА (обнимает Михаила) Мы с Мишей ведем здоровый образ жизни.

МИХАИЛ Правда. Таня подтвердит.

Входит Сергей с вином.

НАТА Наконец-то, Сережа! Ты что, весь погреб перерыл? Справа, всегда справа мое вино! Сколько раз повторять?

СЕРГЕЙ Ната Султановна, я знаю, но там уже кончилось австралийское, я достал со второго стеллажа.

НАТА Так положи туда сразу побольше!

СЕРГЕЙ Уже положил.

МИХАИЛ (жене) Не наезжай на Сергея. (Сергею) А ты слушайся великую Султановну!

СЕРГЕЙ (с улыбкой наполняя бокалы) Слушаюсь и повинуюсь.

Смеются.

БОРИС Ой, бля, не могу... (залпом выпивает свою рюмку и тут же наливает себе еще) Фу-у-у! Вот теперь давайте выпьем!

Смеются.

НАТА Давайте выпьем за...

МИХАИЛ За Россию.

Смех стихает. Борис с Гелей переглядываются.

ГЕЛЯ Ты серьезно?

МИХАИЛ Да. А что? Вам тост не нравится?

БОРИС Да нет, Миш... но, просто...

МИХАИЛ Что?

БОРИС Да нет, я готов, в любую минуту готов, но просто... мне казалось, что в твоём нынешнем положении... (смеется) извини, я что-то не то говорю... Чушь! Все нормально! За Россию!

ВСЕ За Россию.

Выпивают.

МИХАИЛ (Нате) Хорошее у тебя вино, жена.

НАТА Плохого не пьем, Мишенька.

БОРИС Ой... (закусывает)... ммм... огурцы у вас... ммм... очень правильные. И грузди... прелесть... откуда?

МИХАИЛ Ты уже спрашивал вчера.

НАТА У нас, Боренька, все с Одинцовского рынка.

ГЕЛЯ А трава тоже с рынка?

АНЗОР (куря) Трава... с полей афганских, просторных, нехамских...(дает Геле)

ГЕЛЯ Сейчас накурюсь, начну приставать к мужчинам.

НАТА А к женщинам?

ГЕЛЯ И к женщинам!

БОРИС Ты что, Ахматова?

ГЕЛЯ (торжественно) Я Цветаева! (курит, передает папиросу Тане)

Смеются

АНЗОР Господа! (говорит в стиле хип-хопа) Вокруг нас лесбиянки, розовые портянки, клейкие листочки, весенние почки!

ТАНЯ А что, Цветаева была лесбиянкой?

ГЕЛЯ Мариночка любила всех. И мальчиков и девочек.

БОРИС А потом написала: «Я от горечи цалую всех, кто молод и хорош»... Миш! Я по-русски говоря, охуеваю от твоих груздей!

МИХАИЛ (угрюмо и зловеще-медленно опускает кулаки на стол) Ну. Вот что. Друзья.

Все замирают. Пауза.

МИХАИЛ Мне это надоело.

Пауза.

МИХАИЛ Я принял решение.

Пауза.

МИХАИЛ Сережа. Налей-ка и мне водки.

Все радостно и облегченно смеются.

БОРИС Миша! Ты прав!

НАТА Миша! И ты? С утра? Вы напьетесь с Борей! Мы же собирались в театр.

БОРИС В театр, особенно современньй, надо ходить всегда под мухой! Иначе — смысла нет.

АНЗОР Театру все поможет. Любое вещество.

ТАНЯ Почему?

АНЗОР Вымирающий жанр, простые разборки, театру нужны эмоциональные подпорки.

НАТА (дуется) Миш! Ну, театр же!

МИХАИЛ Театр никуда не денется. (поднимает рюмку с водкой) Я хочу выпить (встает) за мою жену.

НАТА Какой ты хитрый!

МИХАИЛ Благодаря Нате я восстал из постсемеjного пепла. Ты мой спаситель. (целует жену)

АНЗОР Выпьем за Натку, за постсемеjную кровать, за правильный выбор, и пусть заплачет пидор!

МИХАИЛ (капает Анзору водкой на голову) Помолчи. За Нату.

ГЕЛЯ Натуля! Мы все тебя любим!

БОРИС Ура!

Пьют.

НАТА Знаешь, Миш, я ведь тоже востала из постсемеjного пепла. И благодаря тебе!

БОРИС Это тост! Зеркальньй! Изумрудная скрижаль!

АНЗОР То, что вверху — то и внизу?

БОРИС Молодец, хорошо образован!

НАТА Анзорчик умнее всех этих реперов.

АНЗОР Я просто покурил... (смеется)

ГЕЛЯ За Михаила!

Пьют.

АНЗОР По поводу постсемеjного пепла. Можно прогнать философскую историю?

МИХАИЛ Ты вчера уже прогонял.

АНЗОР Это новенькое.

МИХАИЛ Давай... (закусывает) Если недолго.

АНЗОР Я понял, братуха, долго не будет, тема pizdato всех вас разбудит, вставит pizdato по самое боро, чтоб знали откуда растут помидоры, не надо стрематься любви на oblome, не надо pizdato пиздеть о роддоме, не надо по пьяни пихать за бабло, не надо кончать на чужое eblo, любовь не картошка, не цезарь-salatto, ее разрулить невозможно, ребяtto, она по nakolke в жж не живет, когда захотела, тогда и умрет, tusit, бля, где хочет, кончает с кем хочет, над нами, уродами, мощно хохочет, gnilogo не терпит, бабло не хранит, и весело плющит о sladкий гранит, законов сильнее она всех в nature, она не нуждается в вашей культуре, pizdato врубается в наши сердца, и kruto доводит людей до венца!

ТАНЯ Вау! (аплодирует)

БОРИС Иллюстративная история. Хотя я ни хера и не понял...

ГЕЛЯ (Борису) Это про любовь, мужчина.

НАТА Анзорчик — гений! Любовь свободно мир чарует, да Мишенька?

МИХАИЛ (ест) Absolutely...

БОРИС Слушайте, господа, а вам не кажется, что пора бы как-то и...съесть что-нибудь?

АНЗОР Меня тоже pizdato пробило на хафчик! Таня? Как ты?

ТАНЯ (смеется) Ну... не знаю... я не против.

БОРИС Голосуем? Кто — за?

Все, кроме Михаила поднимают руки.

МИХАИЛ Сереж, позови сюда Люду.

Входит Людмила.

МИХАИЛ Люд, у нас есть чего-нибудь горячее?

ЛЮДА Щи вчерашние.

БОРИС Отлично! Мы же их вчера не ели! Хозяева зажали!

ГЕЛЯ Обжора! Блинов тебе мало было?

ЛЮДА Я хотела сегодня зразы делать.

МИХАИЛ А что-нибудь быстрое можешь? Пасту с креветками?

ЛЮДА Легко.

МИХАИЛ А щи сейчас.

ЛЮДА Хорошо.

БОРИС Щи — тащи!

АНЗОР (серьезно кивает) Щи — глубокая идея.

Людмила уходит.

ТАНЯ (встает) Спасибо. Мне уже ехать пора.

МИХАИЛ Никуда тебе не пора.

НАТА Танечка, не разрушайте компанию.

БОРИС Без щей мы тебя не отпустим. (встает, подходит к Тане, берет ее за плечи, усаживает на стул) Setzen Sie sich!

ТАНЯ Ну и рука у вас!

ГЕЛЯ Рука скульптора. Не противьтесь, Таня, а то он вас вылепит!

АНЗОР И отольет в бронзе.

ТАНЯ Ну, мне неловко... надо ехать уже...

МИХАИЛ Ты что, в конторе служишь?

ТАНЯ Нет.

МИХАИЛ Ты — вольный стрелок. Мас-тер спор-та. Как звучит! Почти джедай. А джедаю уже некуда спешить.

ТАНЯ Я подруге обещала.

МИХАИЛ Закрыли тему. Поешь щей, тогда поедешь.

НАТА Тань, а трудно сейчас прожить мастеру спорта?

ТАНЯ Смотря какого.

НАТА Вашего?

ТАНЯ Зависит от уровня игрока. Чем выше рейтинг, тем больше доход.

МИХАИЛ Рейтинг... иностранные слова говоришь... Тань, Анзорчик нам прогнал, теперь твоя очередь. А Расскажи-ка нам что-нибудь спортивное!

АНЗОР Да!

ТАНЯ Спортивное?

МИХАИЛ Ну, что-нибудь из твоей жизни.

ТАНЯ Я даже не знаю... ну, вот на кубке России Пятерикову обыграла. А Юльке Прохоровой продула.

НАТА А что-нибудь интересное?

ТАНЯ Интересное?

МИХАИЛ Конечно! Мы — интересные люди?!

БОРИС Крррайне!

АНЗОР Вспомни что-нибудь реально острое. Криминальное, порочное, ну... страшное!

ТАНЯ Страшное? В меня летом «девятка» въехала.

ГЕЛЯ Это банальщина, Танечка.

БОРИС А rporos, по поводу «девятки», свежий анекдот про Путина. Значит, решил Путин пересесть на «девятку»...

МИХАИЛ Подожди. Тань! Страшное, страшное. Когда тебе было страшно?

ТАНЯ Ну... в детстве. Заблудилась однажды. Дважды тонула.

АНЗОР Я тоже тонул.

ГЕЛЯ А я как тонула! В Пицунде!

МИХАИЛ Я тонул в 98-ом. И сейчас тону вместе со всеми...

Смеются.

МИХАИЛ Но мы, Тань, не про это. Мы не про смерть.

ГЕЛЯ Ребят, но смерть — это страшно!

БОРИС Смерть — это не страшно. Сто раз тебе говорил! Смерть понятна всем. Она просто волнует. Сильно. Но она понятна. А страшно, это когда непонятно.

ТАНЯ Непонятно... (вспомнив) Вот! Есть одна непонятная история.

НАТА (облегченно) Слава Богу!

Смеются.

ТАНЯ Хотя, я не знаю... может она и не совсем страшная. Но очень непонятно все... Моя бабушка сидела в лагере. В Караганде. И там работала в больничке. Сталин умер и ее выпустили. Но она не уехала, а осталась работать в той же больнице, ну, как свободная уже. И там работала, жила рядом, три года. И бабушку там встретила, и мама родилась там. А потом они уехали в Геленджик. Вот. И вот однажды там был побег, в этом лагере. Бежали трое зэков, угнали грузовик. Но их догнали и застрелили. Трупы привезли в лагерь. Там был такой обычай, беглецов убитых, ну, трупы, раздевали и голыми они лежали на плацу, где строятся, сутки. В назидание. И когда эти трупы раздели, обнаружили, что один зэк — женщина. А лагерь был мужской. А зэк был блатной, весь татуированный. Сначала решили, что он кастрат, но потом точно поняли — сто пудов, женщина. Это было так неожиданно, так круто, зэки тоже не знали, он, то есть, она была, ну, как мужик совершенно, без груди. И тогда начальник лагеря попросил врачей сделать вскрытие трупа. И бабушка помогала хирургу вскрывать. Вскрыли. Точно женщина. Но самое отпадное, у нее во влагалище нашли кусок нефрита в виде яйца. И на нем было что-то написано по-китайски. Начальник лагеря взял это яйцо себе, а потом кто-то из его знакомых поехал в Алма-Ату, он передал ему яйцо, чтоб сходили с ним в музей Востока и узнали, чего там написано на яйце. И выяснилось, что на нем написано такое коротенькое стихотвореньце:

Старая ваза расколется

От писка молодых мышей

АНЗОР Круто!

НАТА Действительно страшно... бррр!

БОРИС Это была лагерная кобла. Так называли активных лесбиянок.

ГЕЛЯ Борь, зона была мужской.

ТАНЯ Да, мужской.

НАТА (Михаилу) Ты доволен историей?

МИХАИЛ (задумчиво) Ну... да. Хорошая. Спасибо, Таня. А это яйцо, оно...(у него звонит мобильный) Да. Сынок. How are you, my dear? Always? Oh, you are lucky guy! But I'm not always fine. Yeh! Your daddy feels bad, as usual. No. Not really. Joke. No. I'm just a little bit tipsy, but not shit-faced. Yeh! Not yet, big boy! You? Really? Oh, great! Yeh? Yeh? That's a good idea, my big boy. Congratulate you. Fine. Fine. And he's? Yeh? Realy? No. No, big boy. He's real master, no doubt about that. And he is realy good fellow. Yeh. Yeh. Pretty good. Окау, сынок, договорились. Бери его с собой, поезжайте. Будет веселее. Давай!

Людмила и Сергей вносят щи.

ГЕЛЯ А вот и щи!
АНЗОР После такой истории очень кстати!

Людмила и Сергей разливают щи по тарелкам, подают.

БОРИС А у меня под щи тост имеется. В некотором роде патриотический, в некотором — экзистенциальный. (встает с рюмкой в руке) Дамы и господа! Благодаря гостеприимному хозяину дома сего, мы с вами уже выпили за великую и многострадальную Россию, которую в очередной, так сказать, раз ждут великие потрясения. Я же предлагаю выпить и за Подмосковьё, а по-нашему, по-подмосковному — за Подмоскву, а конкретно — за ее лучших и счастливейших представителей. С шестнадцатого века беспощадной властной вертикалью возбудила, так сказать, и вознеслась Москва над другими городами и весями, подчинив себе народы и земли от Кавказа до Сахалина, устремившись ввысь эдаким...ммм...имперским железным шампуром, а по-русски говоря — елдой, и нанизывая на елду сию чужие пространства с географией, обычаями, укладом, ментальностью, климатом, и т.д. Подмосковьё наше — тень этого имперского фаллоса. Так вот. Недавно я грешным делом задумался: а кто, собственно, по-настоящему счастлив в этой имперской тени? Кто всегда доволен? Кто ничего не потерял даже в кризис? Золотарь! Наш простой подмосковный ассенизатор! Каждый месяц к нам в Переделкино приезжает человек со стальными зубами на не очень чистой машине с пустой бочкой. И уезжает от нас с полной бочкой нашего ежемесячного говна, да еще с тысячько рублей впридачу! И каждый раз заглядывая в глаза этого человека, я убеждаюсь, что он счастлив! Он счастлив! Донельзя счастлив! Ибо приехав пустым, не привезя нам ничего, не предложив ничего, даже ничего не сказав, он получает от нас четыре тонны биологически активного вещества и радужную бумажку, играющую, как вы знаете, роль всеобщего эквивалента в нашем прекрасном и яростном мире. Он счастлив! И я, русский интеллигент, пью за него и завидую его счастью!

Выпивают.

НАТА Боренька, ты просто какой-то Демокрит.
АНЗОР (поправляя) Демосфен.
НАТА Да! (пробует щи) Прекрасно. Хорошо, что мы их вчера не съели.
БОРИС Щи назавтра надо есть. Вкуснее!
ТАНЯ Это называется — суточные щи?
БОРИС Genau! Русише суточной щчи... ммм... и это есть гениально...
МИХАИЛ (ест щи) Борь... из твоего тоста... выходит... что все мы несчастливы?

Все, кроме Михаила, смеются.

БОРИС Миш, в некотором роде — да!
АНЗОР Конечно! Мы же все зависим от воли ассенизаторов. А их воля обратно пропорциональна количеству нашего...
МИХАИЛ (берет Анзора за руку, прерывая, кладет ложку) Погоди. То есть, Боря, ты хочешь сказать, что я — несчастливый человек?
БОРИС (смеется) Миш, ну мы все несчастливы по-своему, один больше, другой меньше...
МИХАИЛ Значит, я по-твоему — мизерабль?
БОРИС Миш, послушай...
МИХАИЛ Ты, сидишь за моим столом, ешь мои щи, пьешь мою водку и говоришь, что я — мизерабль?
НАТА Миш, ну ты прямо как прокурор...
МИХАИЛ Молчать!

Все затихают, прекращают есть.

МИХАИЛ (Борису) Кто ты?

БОРИС (вытирает губы салфеткой) Я Борис, твой друг.

МИХАИЛ Кто ты по жизни?

БОРИС (вздыхает) Опять... Ну, скульптор. Лауреат государственной премии.

МИХАИЛ Что ты слепил?

БОРИС Я много чего слепил.

МИХАИЛ Что, что ты слепил?!

БОРИС Миша, ты видел. Много раз.

МИХАИЛ Что ты слепил великого за свою жизнь?

БОРИС Приезжай ко мне в мастерскую, я покажу тебе одну великую вещь.

МИХАИЛ Я был у тебя в мастерской не один раз. Там нет никакой великой вещи!

Нет! И не было!

НАТА Мишенька, ну это скучно. Ты мне это уже говорил.

МИХАИЛ (бьет по столу) Молчать, я сказал! Что ты слепил? Что ты сделал? Что ты открыл?

БОРИС Миш, ты хочешь меня унижить? Не получится.

МИХАИЛ Я просто хочу понять: кто ты?

БОРИС Я homo sapiens.

МИХАИЛ Докажи.

Пауза.

БОРИС Хочешь, я слеплю тебе сейчас что-то человеческое, слишком человеческое?

И этим докажу, что я человек? Прямо сейчас.

МИХАИЛ Слепи!

БОРИС У тебя есть пластилин?

МИХАИЛ Нет.

БОРИС Ну, а что-нибудь лепящееся?

МИХАИЛ Сереж, у нас есть что-нибудь лепящееся?

СЕРГЕЙ Не знаю... это типа чего?

БОРИС Типа пластилина.

Сергей пожимает плечами, думая.

НАТА Борь, есть ореховое масло.

БОРИС (встает) Так. А еще? Подобное?

СЕРГЕЙ Икра кабачковая?

МИХАИЛ (уничтожающе глянув на Сергея) У нас есть половина торта. Забыли?

НАТА Ах, точно! Бисквитно-кремовый монстр! Привез Паша, а он как-то не пошел. И не пойдет.

МИХАИЛ Вот и лепи из торта.

БОРИС Прекрасно. Сергей. Пошли, покажешь. Проволока найдется? Для каркаса?

СЕРГЕЙ Поищем.

Борис и Сергей выходят.

ГЕЛЯ (встает) Я пойду, исполнять роль музы.

МИХАИЛ (ехидно) Конечно! (наливает себе водки)

Геля выходит.

НАТА Миш, ну чего ты опять наехал на него?

МИХАИЛ А пусть не распускается. Мизерабль! Охренел совсем уже от безделия.

(выпивает) Несет хуйню всякую... Уговорил нас выпить за подмосковных говнососов! Идиот!

Смеются.

НАТА Миш, ну не сердись ты на Борьку. Он славный.

МИХАИЛ Слишком.

ТАНЯ (решительно встает) Михаил Андреевич, мне реально пора.

МИХАИЛ (хватает Таню за руку) Посмотрим его скульптуру. И ты сразу поедешь.

ТАНЯ Ну я реально должна в Москве быть, сто пудов.

АНЗОР Он быстро слепит. «Дым в лесу», «Туман над рекой».

МИХАИЛ «Радуга над полем».

Смеются. Таня садится.

ТАНЯ А Борис действительно известный скульптор?

НАТА Да.

АНЗОР Четыре памятника только в Москве.

ТАНЯ Где?

МИХАИЛ (со смехом) Везде. Где позволит Церетели. (кричит, чтобы было слышно на кухне) Гелька, спой свою песню!

Видно, что Михаил сильно захмелел. На кухне Геля поет казацкую песню.

МИХАИЛ (аплодирует, наливает всем водки) Bravo! Давайте за Гельку. Борьке с ней повезло. Ему, мудиле, хорошо.

НАТА А тебе?!

МИХАИЛ А мне... мне так хорошо, что плохо. (выпивает)

НАТА Мишенька, не пей больше, умоляю. Этот козел опять тебя вовлек в утреннее пьянство!

МИХАИЛ Подпишу договор, сяду на диету. Shut up, honey! (берет Натю за подбородок, целует в нос) Дамы должны только радовать!

Входит Борис. На нем фартук Людмилы, рукава засучены. На блюде он вносит небольшую скульптуру, вылепленную из торта и орехового масла: ископаемый водоплавающий ящер отряда плезиозавров. Ставит блюдо на стол. Геля и Сергей входят следом.

БОРИС Voila!

МИХАИЛ Что это?

НАТА Черепаха какая-то! У меня в детстве было три черепахи! Кора, Роза и Тортилла!

Михаил прикладывает палец к губам.

БОРИС Это, Миша, смысловая аллегория нашей жизни. А конкретно: материальное иллюстрирование современного прочтения стихотворения Бориса Пастернака «Гамлет».

Пауза.

МИХАИЛ (хрустит огурцом) Пока не дошло. Анзор?

Анзор отрицательно качает головой.

БОРИС Поясняю. Это криптоклейд. Водоплавающий ящер мезозойской эры. Был распространен во всех морях и океанах. Но к концу мелового периода вымер. Навсегда. Вы помните бессмертное стихотворение «Гамлет»?

МИХАИЛ «Гул затих, я вышел на подмостки...?»

БОРИС «Прислонясь к дверному косяку...» Да. Помнишь последнее четверостишие?

МИХАИЛ Помню прекрасно, Боря. Запомни, я помню все то, что мне нравится. Все! А вот то, что мне не нравится, я не помню. Ничего! Но то, что мне нравится, я помню

прекрасно. Я помню и Высоцкого в этой роли. Хотя, я был тогда студентом. Сейчас...
«Но известен распорядок... действия. И неотвратим конец пути. Я один...»
БОРИС (перебивает) «Все тонет в криптоклеидстве. Жизнь прожить — не поле перейти».

Пауза.

ТАНЯ И как называется эта скульптура?
БОРИС (серьезно) Россия.

Пауза. Михаил медленно встает, подходит к Борису, обнимает его. Борис неловко стоит, разведя липкие от торта руки.

МИХАИЛ Люблю я тебя, Борька.
БОРИС И я тебя, Миш.
МИХАИЛ Люблю. Хотя говна в тебе процентов семьдесят восемь.
БОРИС Прости, старик. Это русская метафизика меня наполняет.

Михаил и Борис хохочут, обнявшись. Михаил вынимает из декоративной пивной кружки с флажками разных стран российский флажок, втыкает его в спину криптоклейда.

МИХАИЛ Криптоклейд по имени Россия.
БОРИС Ура!

Все аплодируют. Звонок сотового телефона с КПП. Сергей берет трубку.

СЕРГЕЙ Да. Да. Да. Подождите. (Михаилу) Михаил Андреевич, пришли с охраны, их главный, капитан, у него к вам какой-то личный вопрос.
МИХАИЛ Пшли вон, я занят... Дорогие мои, давайте выпьем за Борин талант! Он не только талантлив, но и fucking safisticated guy, realy!
НАТА Борь, а эти клепто... крипто... клейды были прожорливы?
БОРИС Чрезвычайно! Вместе, Наточка, они могли дать просратья любому киту.
ТАНЯ Это намек, да?
ГЕЛЯ Это намек.
АНЗОР (набивая косяк) Это намек.
МИХАИЛ Это не намек, а правда жизни. Так... где водка, Сереж?
СЕРГЕЙ (в трубку) Нет, нет. Сейчас неудобно. Михал Андреич занят...зайдите позже... Нет, я вам ясно сказал... но...
МИХАИЛ Чего там еще? Клянчить прибавку пришли? Почему они приходят всегда ко мне?! Здесь еще 29 домов!
НАТА Потому что наш дом первый от вахты. Почему!
СЕРГЕЙ Михал Андреич, он говорит: что-то очень личное.
МИХАИЛ Чего личное?
СЕРГЕЙ Он стесняется.
НАТА Какая прелесть!
МИХАИЛ Может, у него стоит на меня?!

Смех.

АНЗОР На твои кредиты. (заканчивает косяк, закуривает)
МИХАИЛ Цыц! (разливая водку) Пошли они в жопу, дармоеды. Сидят в каптерке в этой три рыла с автоматами, получают за это в месяц по штуке баксов.
НАТА Миш, а может, у него кто-то раком болен!
БОРИС Да. Рак простаты, а rporos...
ГЕЛЯ Его бросил любовник. Чую сердцем матери!
ТАНЯ А клепто... крейд съедобен?
БОРИС Нет! Он сделан на века. Водки! Во-о-о-дки!

Входит Людмила с блюдом лапши и креветок.

ЛЮДА Все готово.

МИХАИЛ Отлично, Людочка. Сергей...

СЕРГЕЙ (говоря в трубку, разливает водку) Послушайте, я же вам, кажется, объяснил ситуацию...

БОРИС Ура! (поет) Все то-о-о-нет в криптокле-е-е-ейдстве! Миша, prosit!

МИХАИЛ (глядя на креветки с лапшой) Отлично...

ТАНЯ Я — точно пас. (встает) Михал Андреич, все, я побежала.

НАТА Танечка, ну хоть попробуйте! Люда так старалась.

ЛЮДА Я старалась. (раскладывает всем)

АНЗОР Мы все старались понемногу... (затягивается папиросой) кому-нибудь и как-нибудь...

СЕРГЕЙ (закрывая ладонью трубку) Михал Андреич, этот капитан просто чуть не воет... может там чего-то стряслось у него?

МИХАИЛ Твою мать! Воющих омонцовцев только не хватало...

БОРИС Они украсят наш утренник! Споят «Ясный сокол на снегу»!

МИХАИЛ Ладно, пусти его в прихожую, я выйду. Быстро!

Сергей уходит.

МИХАИЛ (поднимает рюмку) Борь, за тебя.

БОРЬ (поднимает свою рюмку) Спасибо, дорогой.

НАТА (тянет свой бокал) За криптоклеяда!

ГЕЛЯ Боренька! Радость души моей!

АНЗОР (тянет к чокающимся руку с папиросой) И дым отечества нам сладок и приятен...

Внезапно на веранду входят четверо: трое омонцовцев-охранников с автоматами ведут Сергея со связанными за спиной руками. Руководит омонцовцами капитан.

КАПИТАН Лошадь!

Дает короткую очередь в потолок. На всех сыпятся осколки штукатурки.

Собирающиеся выпить, держа рюмки и бокалы, инстинктивно пригибаются к столу. Люда и Таня приседают.

КАПИТАН (наводит автомат на Михаила) Я сказал: лошадь!

Все ложатся на пол. Сержант и старший сержант связывают всем руки за спиной синтетической веревкой, заклеивают рты клейкой лентой всем, кроме Михаила. Сержант и старший сержант поднимают Михаила с пола.

КАПИТАН Где у тебя главное, теплое?

МИХАИЛ Чего?

КАПИТАН Главное! Теплое! Где?!

Пауза. Михаил оторопело смотрит на капитана.

КАПИТАН (подходит к нему, приближает свое лицо, угрожающе тычет дулом автомата в живот) Теплое! Трудное! Пропитанное грустным жиром временного. Где?!

МИХАИЛ Деньги наверху, в сейфе.

КАПИТАН Пошли за теплым.

Капитан и сержант ведут Михаила и Сергея на второй этаж, старший сержант остается на веранде с лежащими на полу. Михаил кивает головой на спальню. Они заходят в спальню. Напротив кровати висит картина Зинаиды Серебряковой, на которой изображена обнаженная женская фигура. Капитан пытается снять картину.

МИХАИЛ Она сдвигается влево, не надо снимать.

Капитан сдвигает картину влево. За картиной в стене — сейф с электронным замком.

МИХАИЛ 2728.

Капитан набирает код. Сейф открывается. Внутри видны пачки денег и бархатные коробочки.

КАПИТАН Где у вас большое и малое?

МИХАИЛ Чего?

КАПИТАН (угрожающе) Большое! И малое! Где?!

Пауза.

МИХАИЛ Чего тебе еще надо?

КАПИТАН Где большое и малое?!

МИХАИЛ Берите деньги и уходите.

КАПИТАН Я говорю: боль-шо-е. Ма-ло-е.

МИХАИЛ Ты что, двинулся? Или у вас от безделия крыши посрывало?

Капитан слегка бьет Михаила прикладом в затылок. Михаил падает на ковер.

МИХАИЛ (морщась от боли) Мудак...

КАПИТАН (Сергею) Лошадь, нах!

Сергей ложится на пол.

КАПИТАН (сержанту) Иди. Оно где-то рядом.

Сержант выходит и вскоре возвращается с чемоданом и сумкой. Они вынимают деньги из сейфа: шесть десятитысячных пачек долларов, три десятитысячных пачки евро и купюры разных стран. Складывают в сумку. Вынимают коробочки с ювелирными украшениями, смотрят, прячут в сумку.

КАПИТАН Где тени уюта? Знаки победы?

СЕРГЕЙ Это... там... чего вы...

КАПИТАН (сержанту) Побудь с достойным. (выходит с чемоданом)

МИХАИЛ (смеется, морщась от боли) Вы ебанулись, ребята... Вы наркоманы?

СЕРЖАНТ Лошадь! (присаживается на угол разобранной кровати, осматривается, трогает лежащий рядом пеньюар, нюхает свою руку, смотрит на нее, усмехается)

По дому раздается сигнал звонка в дверь.

МИХАИЛ За вами пришли, отморозки. Пиздец.

КАПИТАН (выйдя из гардеробной в холл, кричит оставшемуся с пленниками старшему сержанту) Петя, радость праведных!

Ст. сержант проходит к двери, открывает. На пороге стоят двое в форме МЧС: лейтенант и майор.

МАЙОР (недовольно) Почему опять вечное?

СТ. СЕРЖАНТ Здесь нет ничего вечного, товарищ майор.

МАЙОР Яркие отношения? Прямодушие? Опять?

СТ. СЕРЖАНТ Да как-то тово...

МАЙОР (передразнивает) Тово!

Эмчезовцы и омоновец проходят на веранду.

МАЙОР (смотрит на лежащих на полу) Где?
СТ. СЕРЖАНТ Наверху.

Эмчезовцы поднимаются на второй этаж. Недоброжелательно косясь на них, капитан выходит из гардеробной с ворохом шуб, везя пластиковый чемодан за выдвигающую ручку.

МАЙОР Капитан, почему вечное?

КАПИТАН Нет тут ничего вечного, товарищ майор.

МАЙОР Мы когда провинились? Во сколько?! Не ясно? Мокрый ворон?! Опять?!

СТ. СЕРЖАНТ Товарищ майор, он не мокрый ворон. Он спокойный броненосец.

МАЙОР Тебя не спрашивают!

ЛЕЙТЕНАНТ Почему вечность заявлена на простой?

КАПИТАН Там теплая тайна.

СТ. СЕРЖАНТ Там теплое большинство.

МАЙОР У вас в головах, бля, теплое большинство!

КАПИТАН Не надо трогать знаки. У нас своя привада. Осторожная. (проходит в спальню)

Эмчезовцы и сержант идут за ним. Михаил сидит на кресле.

СЕРЖАНТ (сталкивает его прикладом автомата на пол) Лошадь, я сказал!

МИХАИЛ (кричит) Я тебя закопаю, гад! Засажу на всю катушку, падаль!! Где ордер, твари?!

СЕРЖАНТ (прижимает его ногой к полу) Лошадь, сказал!

МИХАИЛ Предъявите ордера, гниды!!

СЕРЖАНТ (несильно бьет его ногой в живот) Ло-ш-ш-ады!

СЕРГЕЙ Вы чего творите-то?! Вы отвечать будете!

КАПИТАН Молчи, ради вечности. И ради временного — тоже молчи.

МАЙОР (присаживается на корточки рядом с Михаилом) Где его трудные нарывы?

КАПИТАН (открывает чемодан, складывает в него шубы) Не знаю.

ЛЕЙТЕНАНТ Вы их нейтрализовали?

КАПИТАН Нет.

МАЙОР Вы чего, капитан, захотели весеннего настроения?!

КАПИТАН Не надо кричать. Вить, изыми нарывы. Или пусть Миша сделает это правильно. (кричит) Миш!

СТ. СЕРЖАНТ (снизу) Эу!

КАПИТАН (кричит) Нарывы нейтрализуй!

СТ. СЕРЖАНТ Понял!

Майор вытаскивает из карманов у Михаила и Сергея мобильные, дает сержанту. Сержант идет вниз, на веранду, кладет мобильные на стол, потом возвращается наверх. Старший сержант вытаскивает из карманов у лежащих и берет со стола их мобильные телефоны. Потом ищет глазами какую-нибудь емкость, видит супницу со щами.

СТ. СЕРЖАНТ Награда! (снимает крышку с супницы, заглядывает, кладет все изъятые мобильные в щи и закрывает крышку) Вот как устроим трудный праздник.

В дом входят трое: полковник внутренних войск с рацией в руке, человек в сером костюме с маленьким значком на лацкане пиджака, изображающим щит и меч, и человек в коричневой тройке со значком депутата государственной Думы, с портфелем в руке. Они проходят, осматриваются. Старший сержант, услышав их, выходит из кухни.

СТ. СЕРЖАНТ (kozyряет) Старший сержант Петров.
СИЛОВИК Так. Где печальный носорог?
СТ. СЕРЖАНТ Наверху.

Трое поднимаются наверх, осматриваются, проходят в спальню. Сержант козыряет вошедшим. Капитан занимается засовыванием шуб в чемодан.

ПОЛКОВНИК Капитан, почему бешеное?
КАПИТАН (зло козыряет) Виноват, товарищ полковник.
СИЛОВИК (заглядывает в открытый сейф) Где?
КАПИТАН Здесь.

Силовик берет сумку, смотрит, закрывает, вешает себе на плечо.

ДЕПУТАТ Где хорошее?
СЕРЖАНТ (пихает сапогом Михаила) Где хорошее?
МИХАИЛ Пошел на хуй, гадина!
ДЕПУТАТ Не надо делать вечное усиление, Михал Андреич. Где ваше хорошее? Где вы его обычно баюкаете и наказываете?
МИХАИЛ Где ордер?! Где мой адвокат?! Где? Мой?! Ад-во-кат?!!
ДЕПУТАТ (Сергею) Вы бегемот?
СЕРГЕЙ Я... слуга.
ДЕПУТАТ Где хранятся хорошие?
МИХАИЛ Они не бандиты, не говори им ничего! Это арест! Ордер покажите, твари!! Они издеваются над нами! Отмороженные гады!! Обратни в погонах!

Сергей молчит.

СИЛОВИК Где его торжественное пропихо?
ДЕПУТАТ Или проще: хорошее пропихо? Про-пи-хо?
СИЛОВИК Вы не понимаете?
СЕРГЕЙ (через силу) Тут... слева кабинет.
СИЛОВИК (Сергею) Пойдемте.

Сергей встает.

МИХАИЛ Серж, ничего не рассказывай этим тварям! Их всех завтра посадят!
СИЛОВИК (берет Сергея под руку) Пойдемте за хорошим. (омоновцам и эмчээсовцам) А вы побудьте с печальным носорогом.

Силовик с Сергеем, полковник и депутат проходят в кабинет Михаила.

СИЛОВИК (осматривается, подходит к столу, закрывает раскрытый ноутбук, убирает его в сумку, ставит сумку на ковер) Не вижу холодных тайн. Где они?
ДЕПУТАТ Где холодные тайны?

Пауза.

СЕРГЕЙ Сейф за картиной.

На стене возле стола висит пейзаж Юона. Силовик отводит картину в сторону. Под картиной в стене сейф с механическим наборным замком.

ДЕПУТАТ Хлеб?
СИЛОВИК (с усмешкой) Хлеб? (показывает Сергею на замок) Ты знаешь хлеб?

Сергей отрицательно качает головой.

ПОЛКОВНИК Надо спросить у печального носорога.
СИЛОВИК Он обрадуется.
ПОЛКОВНИК Надо спросить грустно.
СИЛОВИК Времени нет. Так, (полковнику) зовите справедливых, пусть умножают приличное.
ПОЛКОВНИК (по рации) Колосов. Майор, тут придется обидеться.
МАЙОР (отвечая по рации из спальни) Понял. (звонит бригаде) Карпенко, давай справедливых. Но свободных!
ДЕПУТАТ А неправых?
СИЛОВИК Конечно. (садится за стол, закуривает, начинает открывать ящики и выкладывать содержимое на стол).
ДЕПУТАТ (подходит, перебирает документы) Это упавшее навсегда.
СИЛОВИК Нам нужно только хорошее. Очень хорошее. (Сергею) Есть еще беспомощное в доме?
СЕРГЕЙ (не понимая) Еще сейф?
СИЛОВИК Я говорю: беспомощное. Бес-по-мощное.
СЕРГЕЙ Не знаю... там что-то есть... у Анзора в комнате. И в библиотеке.
СИЛОВИК (полковнику) Пусть ваши с ним сходят и принесут сюда всю беспомощность.
ПОЛКОВНИК (по рации) Так. Добрые люди, добрые загадки!

В дом входит два прапорщика внутренних войск, поднимаются на второй этаж, находят полковника.

ПОЛКОВНИК (прапорщикам) Берите этого, он покажет где беспомощность, несите ее сюда.

Прапорщики с Сергеем проходят в библиотеку, потом в комнату Анзора, забирают оба компьютера, приносят в кабинет. В это время в кабинет входят двое сержантов МЧС с перфораторами.

СИЛОВИК Так. Сначала — теплая беспомощность. Кладите ее вот сюда, к стене. А уже потом займемся холодной.

Прапорщики кладут компьютеры к стене. Сергей со связанными сзади руками стоит поодаль.

СИЛОВИК (эмчээсовцам, кивая на компьютеры) Огорчайтесь.

Эмчээсовцы молча включают перфораторы в розетки и быстро продырявливают оба компьютера.

ДЕПУТАТ Теперь — хорошее.
ЭМЧЕЭСОВЕЦ (осматривает сейф) Какие бездны в доме?
СИЛОВИК (Сергею) Какие бездны в доме?
СЕРГЕЙ Здесь... не знаю... ну, нормально все было...
ЭМЧЕЭСОВЕЦ Стон, хохот?
СЕРГЕЙ Обычно... все нормально... у нас не воруют...
ДЕПУТАТ (теряя терпение) Стон или хохот?!
СЕРГЕЙ Я... не знаю.
ЭМЧЕЭСОВЕЦ (полковнику) Если хохот — придется как бы кричать. Как бы! Шепот тут уже не поможет...
ДЕПУТАТ (трогает пальцем стену) Похоже на стон. А? (смотрит на Сергея)
СЕРГЕЙ Не могу сказать.
ПОЛКОВНИК Работаешь здесь, а не знаешь.
СЕРГЕЙ Я... не понимаю.
ЭМЧЕЭСОВЕЦ (напарнику) Ладно, давай как бы крикнем.

Подходят с двух сторон к сейфу, врубаются рядом в стену. Вскоре из-под перфораторов начинает сыпаться красная крошка.

ЭМЧЕЭСОВЕЦ (не прекращая работу) Нормально! Стон! Кричать не придется!

Ловко орудуя мощными перфораторами, эмчээсовцы за считанные минуты вырубает лифт из стены. Лифт падает на пол.

СИЛОВИК (прапорщикам) Берите его с обидой.
ПРАПОРЩИК (пробует поднять за угол) Независимый.
ПОЛКОВНИК (эмчээсовцам) Парни, сделайте ошибку.
ДЕПУТАТ По-девичьи.
ПОЛКОВНИК Точно.

Сейф кладут на ковер. Внизу раздается шум, грохот отбойных молотков, треск дерева, гудение и характерные звуки работы мощных машин.

ПОЛКОВНИК (злобно-раздраженно) Ну, вот! Услуга. И как всегда — родственное, бля!
СИЛОВИК А чего они так испуганно?
ПОЛКОВНИК Зов продолжается!

Силовик, депутат и полковник выходят в холл второго этажа, смотрят с балюстрады вниз. Входную дверь сокрушают мощными отбойными молотками, расширяя. Люди в рабочих спецовках бросают на порог проема доски, плещут на них из ведер растительным маслом. Экскаватор с телескопической стрелой ковшом впихивает в дверной пролом черный бетонный блок, с квадратным сечением больше метра и длиной метра четыре. Скользя по намасленным доскам, блок въезжает в дом. Рабочие помогают, ломami направляя его. Дом сотрясается.

РАБОЧИЕ Му-кой! Му-кой!

Черный блок въезжает в дом, рабочие едва успевают подкладывать под него доски и поливать их маслом. Паркет трещит, проваливается до бетонного перекрытия пола, слегка топорщась вокруг блока. Рабочие умело направляют блок. Бетонная машина вползает в дом, круша и раздвигая мебель, останавливается на середине гостиной. Ковш экскаватора убирается из дома. Рабочие выходят.

ПОЛКОВНИК Умножить и умножиться! Всем умножиться!

Все спускаются вниз, прихватив Сергея и Михаила и залепив им рты. В дом вбегают двадцать молодых людей в одинаковых майках с изображением медвежонка с дубовой веткой. Они хватают арестованных, надевают им на головы желтые колпаки с погремушками, ставят их на колени вокруг черного блока. В дом входят старик-ветеран в потертом костюме с медалями и орденами и ослепительной красоты девушка в парадной форме капитана судебных приставов. На ней очень короткая форменная юбка, туфли на высоких и тонких каблуках. В руках девушки красный мегафон, в руках у старика деревянная дубинка. Молодые люди подсаживают девушку, она влезает на черный блок, включает мегафон.

ДЕВУШКА Белый Камень! Подвиг! Белый Камень! Добро! Белый Камень!
Бескорыстный дар!
ВETERAN (стуча дубинкой по камню) Белый Камень! Друзья государства!
ДЕВУШКА Белый Камень в доме — почет для дома!
МОЛОДЫЕ ЛЮДИ (встряхивая головы арестованных, чтобы погремушки гремели)
Почет для дома!
ВETERAN (стуча дубинкой по камню) Почет для дома!
ДЕВУШКА Белый Камень в доме — почет для города!

МОЛОДЫЕ ЛЮДИ (гремя погремушками арестованных) Почет для города!
ВETERАН (стуча дубинкой) Почет для города!
ДЕВУШКА Белый Камень в доме — почет для страны!
МОЛОДЫЕ ЛЮДИ Почет для страны!
ВETERАН Почет для страны!
ВСЕ Почет! Почет! Почет!

Девушка-пристав опускается на колени.

ДЕВУШКА (вдохновенно) Белый Камень способен умножить и умножиться. А мы не способны пронять и принять. Мы застенчивы, хоть и беспощадны. В чем же наша сила? В прозорливой радости, в простых решениях, в ровных, выученных загадках. Обидимся ли мы сразу? Или будем отступать, обожая друзей и врагов? Слишком много вовлечений, слишком мало обид. Быстрые и стремительные безнадежней заблудших. Нам нет пути в вечность, но зато есть дорога в бесконечность. Так давайте идти этой дорогой. Идти так, чтобы каждый из нас мог сказать: «Престол! Удача!»

МОЛОДЫЕ ЛЮДИ Престол! Удача!

ВETERАН (стучит дубинкой по камню) Мерило всему — выдержка. А мерило не всему — удача!

МОЛОДЫЕ ЛЮДИ Удача!

ВETERАН Или вечный праздник!

МОЛОДЫЕ ЛЮДИ Вечный праздник!

ДЕВУШКА (в мегафон) Убитый ветер!

МОЛОДЫЕ ЛЮДИ Убитый ветер!

С помощью молодых людей девушка-пристав спрыгивает с блока, и не переставая повторять в мегафон «Убитый ветер!», выходит из дома. Вслед за ней выходит старик, потом выбегают молодые люди, скандируя «Убитый ветер!». Возле камня остаются сидеть арестованные в желтых колпаках.

ПОЛКОВНИК (омоновцам) Правильных.

Омоновцы тащат арестованных на веранду, колпаки слетают с них.

ДЕПУТАТ Так. С хорошим решили.

ПОЛКОВНИК Решили. (эмчеэсовцам и прапорщикам) Теперь всем — мечтать!

Они поднимаются наверх. В дом возвращается ветеран с дубинкой в руке.

ВETERАН А где здесь самое беспокойное место?

ПОЛКОВНИК (кивает в сторону кухни) Там где-то.

СИЛОВИК (ветерану) Пойдемте.

Идут, ищут туалет, заходят в просторную ванную комнату. В стене — свежая вертикальная трещина, из нее сочится вода, постепенно заливающая пол.

ВETERАН Ага... (кладет дубинку в раковину, мочится в унитаз)

СИЛОВИК (подходит к биде, мочится, не снимая с плеча сумку) Теперь можно и помечтать. Никто не осудит.

ВETERАН (с усмешкой) Ага.

Молча мочатся.

ВETERАН (застегивая ширинку) Какие праведники, а?

СИЛОВИК (застегиваясь) Да...

ВETERАН Все им мало, а?

СИЛОВИК Мало.

ВETERАН (берет из раковины дубинку, смотрит на себя в зеркало) Только молиться и могут. Вот теперь как...
СИЛОВИК Да...

Ветеран смотрит на себя в зеркало, потом вдруг бьет дубинкой по зеркалу. Зеркало разбивается.

ВETERАН (оборачивается к силовику) А мы — мечтаем!

Силовик одобрительно кивает.

ВETERАН Мой боевой товарищ, проплакал от Вязьмы до Варшавы, ему заказали новый праздник у Германии, у этом городе... ну, ихнем... у Мюнхене. Тысяча восемьсот замороженных! И ошиблись всего на два веселых дня. Вот как! А наши теперь — молятся... Великие существа!

СИЛОВИК Великие.

ВETERАН А потом кланяются народу.

СИЛОВИК (достаёт сигарету) Кланяются. В ноги.

ВETERАН (оглядывается, берет с подзеркальной полки флакон с дезодорантом, нюхает, ставит на место) Но — никакого доверия.

СИЛОВИК Исключено.

ВETERАН (тукает дубинкой по лежащим в раковине обломкам зеркала, резко поднимает руку с дубинкой над головой) А теперь — бесконечность!

СИЛОВИК Бесконечность.

ВETERАН Вот как! (показывает дубинку силовику)

СИЛОВИК (закуривает) А иначе нельзя.

ВETERАН Иначе — нельзя! И не надо.

СИЛОВИК И не надо. Впереди только неволя.

ВETERАН Что?

СИЛОВИК Впереди сладкая неволя.

ВETERАН Это прекрасно.

Ветеран выходит из ванной, покидает дом. Силовик идет наверх. Оттуда по лестнице на ковре прапорщики и эмчээсовцы выносят сейф. Полковник и депутат спускаются следом.

СИЛОВИК Что еще?

ДЕПУТАТ Ну, вам еще что-то нужно?

СИЛОВИК Мне ничего не нужно.

ДЕПУТАТ Тогда давайте бушевать.

СИЛОВИК (полковнику) Мрачные свободны?

ПОЛКОВНИК Если они закончили... (поскальзывается на масле, чуть не падает)

Задача, бля. Щас... (связывается по рации) Гаврилов, как с мрачными?

ГАВРИЛОВ Еще минут на двадцать.

СИЛОВИК (услышав) Ясно. Тогда, я зову осторожных.

ПОЛКОВНИК Зовите.

СИЛОВИК (звонит по мобильному) Петр Петрович, давай.

В дом заходит невзрачный человек в очках и с ним шестеро молодых, спортивного телосложения людей в спецовках. Под руководством человека в очках они стремительно выносят из дома все ценное, за исключением мебели, одежды и холодильников: картины, вазы, ковры, люстры, музыкальную аппаратуру, телевизоры, кухонные комбайны, спортивные тренажеры. Работают они быстро и профессионально. Как только они заканчивают и уходят, силовик разрешительно кивает полковнику.

ПОЛКОВНИК (по рации) Гаврилов, супертаджик.

В дом вбегают шестнадцать таджиков. Ими руководит так называемый супертаджик. Он одет получше остальных, в новый спортивный костюм и большие яркие кроссовки.

СУПЕРТАДЖИК Тез, тез кунед, яркие! Мохавт минут вафт дорем! (*Быстро, быстро! У нас семь минут! (тадж.)

Таджики хватают и выносят мебель, посуду, кухонную утварь, одежду и холодильники, не трогая сантехники. Депутат, полковник и силовик проходят на веранду. Здесь в окружении омоновцев на полу в углу сидят со связанными руками и заклеенными ртами Михаил, Ната, Борис, Геля, Анзор, Таня, Людмила. Рядом с ними на стуле, с автоматом на коленях сидит капитан-омоновец.

СИЛОВИК А где простые?

КАПИТАН (встает) Ушли.

ДЕПУТАТ Куда это они ушли?

КАПИТАН Они мне не докладывают.

СИЛОВИК (усмехается) Чувства...

Двое таджиков, выносящие с кухни холодильник, поскользываются, роняют его.

СУПЕРТАДЖИК Эпаата шмо чмокарден*, а , яркий?! (*Ты чего творишь?! Таж.)

ДЕПУТАТ (недовольно показывает на криптоклеяда) А это что?

КАПИТАН Не знаю.

ДЕПУТАТ А кто знает?

ПОЛКОВНИК (капитану) Кто знает?! Вы мучили хозяев счастьем? Или хотя бы идеей счастья?

КАПИТАН Хозяин отказывается стать счастливым.

ПОЛКОВНИК А другие? Чего ты скучаешь, капитан?!

КАПИТАН Не надо меня уважать, товарищ полковник. Я тоже безгрешен.

ДЕПУТАТ Вы уважаемый, а не безгрешный!

СИЛОВИК Слуг вы не догадались помучить счастьем? Вот его, например. (кивает на Сергея)

Пауза.

ПОЛКОВНИК Только умолять и умеете.

КАПИТАН У меня своя засада.

ПОЛКОВНИК (выходя из себя) Где, где, блядь, твоя засада?!

КАПИТАН В тайной музыке. Могу с ней связаться.

СИЛОВИК (разлепляет Сергею рот, показывает на криптоклеяда) Что это такое?

СЕРГЕЙ Я...не знаю как это называется.

Депутат переглядывается с полковником.

СИЛОВИК (настойчиво-угрожающе) Что это?

СЕРГЕЙ Ну, не помню... это какой-то динозавр.

ДЕПУТАТ (трогает флажок) А причем здесь оружие?

СЕРГЕЙ Ну... они воткнули.

ДЕПУТАТ Кто?

СЕРГЕЙ (мнется, глядя на сидящего Михаила) Ну...

Михаил что-то яростно мычит.

СИЛОВИК Он?

Сергей кивает.

ПОЛКОВНИК (сует палец в скульптуру) Что по сути кажется?

СЕРГЕЙ Это торт.

ПОЛКОВНИК Внешнее?

КАПИТАН Внутреннее. Видно.

ПОЛКОВНИК (капитану) Внутреннее? Видно, что ты рыцарь! Вот, что видно! (связывается по рации) Майор! Ну, а почему вы не плакали? Что? Какой цвет? Какой, блядь, цвет?! Значит, быстро рыдать по утраченному! По-настоящему! Не плакать, а рыдать! Вашу работу делаем, великие! (убирает рацию в нагрудный карман) Цвет, блядь! А еще великие!

Двое таджиков заходят на веранду, пытаются забирать посуду.

ПОЛКОВНИК Печаль!

Таджики ретируются, но один успеваает схватить со стола кастрюлю со щами.

СИЛОВИК (разглядывая криптоклеяда) Это упростил Михаил Андреевич? (переводит взгляд на Сергея)

СЕРГЕЙ Нет.

СИЛОВИК А кто?

СЕРГЕЙ (указывает на Бориса) Он.

СИЛОВИК (капитану) Капитан, новость.

Капитан снимает пластырь со рта Бориса.

СИЛОВИК (указывает на скульптуру) Кто этот временный?

БОРИС Это криптоклеяда.

Пауза.

СИЛОВИК Что кажется?

БОРИС Там торт.

ДЕПУТАТ (трогает флажок) А почему оружие?

БОРИС Это... просто так.

ДЕПУТАТ Что значит — просто так?

БОРИС Для хохмы.

Депутат и силовик переглядываются.

СИЛОВИК Что значит — для хохмы?

БОРИС Чтобы было смешно.

ДЕПУТАТ А где же вечное?

Геля начинает плакать.

БОРИС Пожалуйста, развяжите мою жену, ей плохо.

СИЛОВИК Где вечное?

ДЕПУТАТ (указывает на скульптуру) И что кажется временным?

БОРИС Это ископаемый ящер из отряда ихтиозавров. Развяжи мою жену!!

Связанные начинают негодующе мычать, Михаил стучит ногой по ножке стола.

КАПИТАН (наступает на его ногу) Лошадь.

БОРИС Развяжите мою жену, сволочи!!

КАПИТАН Лошадь.

БОРИС Вы просто оборотни в погонах!!

СИЛОВИК Белое большинство — не серое большинство.

Капитан залепляет рот Борису. Связанные негодуяще мычат. Входят трое саперов с оборудованием и самоходной водяной пушкой.

САПЕР Попрошу всех стать героями.

ПОЛКОВНИК (по рации) Гаврилов, героизм!

КАПИТАН (по рации) Белые, ко мне.

ДЕПУТАТ (косится на криптоклеяда) Чего-то я не очень беспощаден к себе...(машет рукой, направляется к выходу) Небеспощадность озадачивает...

ПОЛКОВНИК Небеспощадность не порок... (идет следом)

СИЛОВИК (саперам) Мучайтесь, великие! (выходит)

Вбегают четверо омонцев.

КАПИТАН (на сидящих) Героизм малых.

ОМОновец А где мучение?

КАПИТАН (указывает на криптоклеяда) Вон.

Омонцы секунду смотрят на криптоклеяда, потом поднимают задержанных и волокут из дома. Капитан заставляет идти Михаила, заломив ему связанные руки. Таджики нехотя покидают дом, хватая все, что подвернется под руку.

Главная улица поселка.

Она достаточно широкая, чтобы могли нормально разъехаться два грузовика. По сторонам улицы расположены одинаковые коттеджи с небольшими участками земли, по пятнадцать коттеджей с каждой стороны. Дом Михаила самый близкий к КПП, под номером 1. По всей улице кипит бурное движение людей и машин. Спецоперация проводится в домах №№ 1, 4, 5, 12, 17, 20, 21. Остальные дома поселка не тронуты. Военные, силовики, омонцы, эмчезовцы, сотрудники санэпидемстанций, таджики заняты каждый своим: выводят из домов связанных хозяев, выносят и грузят мебель, разбирают документы, ловят и запихивают в клетки домашних животных. Грузенные мебелью и домашней утварью грузовики с эмблемой МЧС постепенно покидают поселок. Выведенных из дома Михаила людей сажают прямо на розоватую, припорошенную снегом тротуарную плитку, которой вымощена улица.

СИЛОВИК (оглядывается) Ну и что с гаданием?

ПОЛКОВНИК (по рации) Гаврилов!

МАЙОР ГАВРИЛОВ (подходит) Здесь гадание.

С Гавриловым подходят двое рослых парней в форме прапорщиков внутренних войск с двумя красными пластиковыми кофрами.

ГАВРИЛОВ Кто тарификатор?

СИЛОВИК (презрительно) Все тот же.

ГАВРИЛОВ Он здесь?

СИЛОВИК Нет, как видите.

ПОЛКОВНИК А где же он?

ГАВРИЛОВ Он оторнул мучения.

ДЕПУТАТ (ежась от холода) И где он не мучается?

ГАВРИЛОВ Не знаю.

СИЛОВИК (закуривает) Ну, так узнайте.

Полковник подносит к уху рацию, но к дому подруливает черный Мерседес 500, из него с трудом выбирается полный, одутловатый, шикарно одетый мужчина с папкой в руке. Он тяжело дышит.

СИЛОВИК (презрительно бормочет) К нам приехал жрец временного...

ТАРИФИКАТОР Так... (открывает папку, рассматривает сидящих на тротуаре задержанных, сверяя их с документами) Вижу, вы готовы к героизму.

СИЛОВИК Мы-то готовы. Вы вот что-то не готовы.
ДЕПУТАТ (усмехаясь) Большой радостью..
ТАРИФИКАТОР Ну, а причем здесь прощение?
ДЕПУТАТ Вас никто не прощает.
СИЛОВИК По инструкции вы должны были появиться еще до героизации.
ТАРИФИКАТОР Я промучился по четырем домам. Я не могу не мучиться!
ДЕПУТАТ (недовольно морщится) Хватит... нам всем радостно... (ежится)

Сидящие на тротуаре начинают недовольно мычать.

ОМОновец (замахивается прикладом автомата) Лошадь, нах!
ТАРИФИКАТОР Так... (прапорщикам) Ребята, давайте преодолевать.
ПРАПОРЩИК (открывает чемодан) Друзья!

Прапорщики достают из кофров оборудование.

ТАРИФИКАТОР (оглядывается) А где случайное?
ОМОновец Стоит, ждет не мучений.
ТАРИФИКАТОР Разрешайте.

Подъезжает большой ооновский спец-автобус для перевозки задержанных. Двери открываются, из него выпрыгивают двое ооновцев, еще двое высовываются из дверей.

ТАРИФИКАТОР (подходит к сидящим, смотрит в папку, сверяет, бормоча, указывает пухлым пальцем на крайнюю, Нату) Так. Прошрое.

Прапорщики быстро хватают ее, прижимают к тротуару, один из них электроножницами срезает с левого плеча круглый кусок одежды, другой прикладывает к плечу машинку для клеймения.

ТАРИФИКАТОР Четверочка.

Прапорщик клеймит Нату. Она мычит, плачет и бьется, Михаил кидается к ней, но ооновец «успокаивает» его ударом приклада. У Наты на плече остается клеймо: «РФ-4».

ТАРИФИКАТОР (ооновцам) Героизм!

Ооновцы подхватывают Нату, заносят в автобус.

ТАРИФИКАТОР (указывает на Анзора) Пятерочка.

Анзора клеймят клеймом «РФ-5», заносят в автобус.

ТАРИФИКАТОР (указывает на Гелю) Это у нас... (прищуривается) Шестерочка.

Геле ставят клеймо «РФ-6», заносят в автобус.

ТАРИФИКАТОР (указывает на Сергея) Четверка.

Сергея клеймят: «РФ-4».

ТАРИФИКАТОР (указывает на Михаила) Трочка.

Бесчувственного Михаила соответственно клеймят, заносят в автобус.

ТАРИФИКАТОР (указывает на Людмилу) Семерочка.

Обмочившуюся от страха Людмилу клеймят соответственно тарификации, заносят. В это время из дома №1 выходят саперы, выезжает водяная пушка.

САПЕР (подходит к полковнику) Мучения вечны.
ПОЛКОВНИК Благодарю. (жмет саперу руку)

Саперы уходят. Тут же появляются таджики и трое сантехников с инструментами.

СИЛОВИК (с улыбкой) Я так и думал.
ПОЛКОВНИК Не мучения тоже необходимы.
ДЕПУТАТ Конечно.
ПОЛКОВНИК (таджикам и сантехникам) Мучения вечны!

Таджики и сантехники бросаются в дом.

ТАРИФИКАТОР Так, продолжим героизм. (кивает на Бориса) Пятерка... нет, пардон, шестерка.

Рычащего и отбивающегося Бориса клеймят, заносят в автобус. На заснеженном тротуаре остается сидеть только Таня. Она сильно дрожит.

ТАРИФИКАТОР Так. И последняя. Четверка.
СИЛОВИК Вы уверены?
ТАРИФИКАТОР Нет, конечно.
ДЕПУТАТ Посмотрите внимательней.
ТАРИФИКАТОР Я не вижу принципиального, господин депутат. Четверка.
СИЛОВИК Погодите, вы видите кто это?
ТАРИФИКАТОР Я все прекрасно не вижу!
СИЛОВИК Она не прошлая. И она не герой.
ТАРИФИКАТОР Я знаю.
СИЛОВИК Ну, какая же это четверка?! Это минимум десятка.
ТАРИФИКАТОР Четверка. Стопроцентная.
ДЕПУТАТ Но это просто восторг!
ТАРИФИКАТОР Восторга здесь нет. Здесь тихий героизм. Не мешайте мне работать. (прапорщикам) Героизируйте!

Яростно отбивающуюся Таню клеймят, заносят. Омоновцы садятся в автобус, автобус уезжает.

ТАРИФИКАТОР (потирая замерзшие руки) Ну, что, забудемся? Впервые?
ДЕПУТАТ (злобно) А почему не впервые?
ТАРИФИКАТОР (наигранно добродушно) Давайте не впервые, я не против.
ПОЛКОВНИК Все, я уехал стареть. (подходит к своей машине, садится, отъезжает)

Депутат, тарификатор и силовик подходят к припаркованной рядом Ауди-8 с проблесковым маяком. Из машины сразу выходит водитель, проворно открывает обе задние двери.

ДЕПУТАТ Витя, воскресение.

Все трое рассаживаются в машине, водитель закрывает двери, оставшись снаружи. Депутат кладет портфель себе на колени, достает из портфеля акт, ручку, ставит дату. И недовольно отворачивается в окно. Пауза.

СИЛОВИК (тарификатору) Скажите, неуважаемый, вы герой?
ТАРИФИКАТОР Я не герой.

ДЕПУТАТ Еще прощает... (презрительно) Не первый!
СИЛОВИК Почему не прошлая у вас тарифицирована четверкой?
ТАРИФИКАТОР Есть инструкция.
ДЕПУТАТ А вчерашняя удача?
СИЛОВИК Мы же издевались!
ТАРИФИКАТОР Речь шла о прошлых.
СИЛОВИК Какая на хер разница?!
ТАРИФИКАТОР Не надо усложнять.
ДЕПУТАТ Послушайте, вы прощаете?
ТАРИФИКАТОР Я не прощаю. По вечности она — четверка! Вам скажет это любой тарификатор! Давайте позовем ангелоподобных?
СИЛОВИК Мы же вместе с вами из-де-вались вчера! В присутствии вашего оскорбителя. Мне позвонить ему?
ТАРИФИКАТОР Звоните хоть вечным героям!

Пауза. Силовик и депутат с ненавистью смотрят на тарификатора.

СИЛОВИК (злобно) Ты временный ангел?
ТАРИФИКАТОР Ну, а причем здесь одобрение?

Пауза.

ТАРИФИКАТОР Так, мы подписываем, или нет?

Пауза. Силовик и депутат переглядываются.

СИЛОВИК (злобно-угрожающе) Ладно, пусть подпишет.

Депутат дает тарификатору акт, тот быстро подписывает, достает из кармана печать в кожаном футляре, ставит печать, убирает ее в карман и, тяжело дыша и кряхтя, выбирается из машины. Водитель закрывает за ним дверь.

СИЛОВИК (закуривает) Второй раз почет с этим тарификатором. Не вечный.
ДЕПУТАТ Он ждал упрощения, ясно.
СИЛОВИК Да я, блядь, никогда не упрощу такого! Из чистого блаженства!
ДЕПУТАТ (зло усмехается) Главное, вчера, как полуангел: «все сделаем, отмолимся»...
СИЛОВИК Целокупный!
ДЕПУТАТ Им с утра, наверно, молитву дня сбросили. И все. Расплатят ее по своим!
СИЛОВИК Конечно...

К машине подъезжает реанимобиль, из него выходит врач в синем халате, деликатно стучит в окно.

СИЛОВИК (опускает окно) Сегодня покой.
ВРАЧ Не получилось?
СИЛОВИК Нет.
ВРАЧ Какое счастье...
СИЛОВИК Счастье. И не будет на вашей улице праздника. Никогда!
ВРАЧ (восторженно) Великолепно... изумительно... (отходит)
СИЛОВИК (поднимает стекло) Полуангелы приехали, ждали... Подвиг!
ДЕПУТАТ (достает из бара небольшую бутылку виски, стаканы) А чего они так беспомощны, эти тарификаторы? На них нарыдать нельзя никак?
СИЛОВИК Они Вечности подчиняются. Как на них нарыдаешь?
ДЕПУТАТ Тоже... (качает головой) Вечности... Какая глупость.
СИЛОВИК Не то слово. Обособили этих полувеликих, вот они и не стали мучиться.
ДЕПУТАТ Борьба с немучениями! (смеется)
СИЛОВИК Просто всепрощение какое-то. Обносят нас вниманием, а потом —

невниманием. Хорошие, бля...

ДЕПУТАТ И этот сложный попался еще... Там же есть и простые, убогие ребята.

СИЛОВИК (машет рукой) Это уже закон. Не исправить.

ДЕПУТАТ Ладно, давай мечтать... (разливает виски)

СИЛОВИК (берет стакан, смотрит в окно) Бодрствовать некогда. У меня еще один провал.

ДЕПУТАТ И у меня. Ладно, будем исправляться.

Чокаются, выпивают.

СИЛОВИК Что за временная необходимость... (втягивает носом воздух, качает головой) Ни на кого нарыдать нельзя!

ДЕПУТАТ (убирает пустые стаканы в бар) Другой необходимости нет. Пошли, пройдемся как герои?

СИЛОВИК Да, пройтись героем неплохо.

Выходят из машины. Водитель садится за руль, откидывает сидение назад, задремывает.

СОН ВИКТОРА, ВОДИТЕЛЯ: Ему снится, что в единственный законный выходной, в воскресенье его родная тетя Нюра, вдовствующе проживающая в Ярославской области в деревне Горка, срочным утренним звонком просит его немедленно все бросить и приехать. «Бросай все, Витюша, лети ко мне, родимой!» — дрожит ее окающий голос в громадной, разросшийся до полукомнатной мохнатости трубки. «Что-то стряслось...» — недовольно думает Виктор, шевелясь и приятно зависая космонавтом в вертикальной, уютной постели-капсуле, где можно принимать струйный эмульсионный душ, в высокотехнологичной капсуле, уходящий ногами вниз, на седьмой этаж к мокнущим сволочам Зуевым. «Теть Нюр, а может завтра?» — «И не думай! Лети сейчас. А то поздно будет!» Виктору жутко не хочется ехать, Соня спит рядом в виде Ленки Федотовой, рядом с ней плюшево, сердечно-сосудистыми личинками шевелятся дети: Павлик и Наташа. «Опять какая-то хрень с этой тетей Нюрой, — с досадой думает Виктор, протягиваясь между Соней-Ленкой и детьми. — Я к ней всегда езжу, а не Ярослав, и не Полина, только я тяну лямку помощи, потому что я богатый, я вожу депутата государственной Думы РФ, но я не богатый, а жутко бедный, и никто не знает, что у нас осталось две с половиной тысячи до полочки, Соня-Ленка варит суп гороховый третий раз, придется побомбить, как в народной песне Любэ: «даешь Бомбило, даешь Хуило...» Но ехать надо, понимает Виктор, он голый, в шерстяных, каляных, вязаных все той же осточертевшей тетей Нюрой носках спускается по узкой лестнице, засранной бомжами с Живописной улицы во двор, садится в свою «девятку, в которой пора менять масляный и воздушный фильтры, мгновенно долетает до думского гаража с проспекта маршала Жукова по Второму Этажу Третьего Кольца со Спецпроездом для Единороссов Водителей со Стажем, входит туда через новый КПП из авиационного черного супералюминия для Стеллз, Николай жмет ему руку и очень уважает, хоть и старше, а как же. Виктор находит свою машину, но понимает, что ехать на Ауди в деревню Горки нельзя, но весь гараж мигает ему, напевая: «Даешь Бомбило, даешь Хуило!» Они думают, что Виктор просто решил в воскресенье побомбить на депутатской, но он не хочет оправдываться, да он едет побомбить, а хули, имеет право, он подхватит кого-нибудь на Ярославском шоссе, но надо выбрать машину, а они поют хором так, что заслушаешься: «Дае-е-ешь Бомби-и-и-ло!» «Васильич, есть развалюха свободная?» «Бери ландкрузер Васнецова!» Виктор залезает в старую машину, прозванную в гараже БМП, но ей оказывается только что по Тайному Приказу Грызлова (ТПГ) поменяли мотор на новый, и Васильич про это не знает, нет Тайного Допуска, она крошится внешне, но внутренне она Очень Хороша, Виктор садится и под всеобщий рев «Даешь Хуило!», выезжает из гаража и сразу выруливает на Садовое на среднюю полосу, потому что на джипе светящиеся буквы ТПГ, гаишники отдают честь, Виктор обманул всех, едет по средней полосе, и вот уже Ярославка, он несется между пробками, он буквально проскальзывает,

пропихивается на большой скорости между толпами машин, касаясь их, отчего ветхий кузов джипа слегка крошится на молекулы, стираясь, истираясь, но это не страшно, и вот уже Переяславль, а тут уж нажал на газ — и село Пречистое, а вот и поворот на Горку, но тут страшно много грязи весенней, видимо разлилась Медведица, джип плывет, вода и лед пробиваются через ветхие дыры в кабине, вместе с водой окурки, жвачка, палочки для чистки ушей, народ чистит уши на каждом перекрестке, презервативы слоями, слоями, как любимый торт Ленки «Наполеон», но носки греют ноги, и вот уже сельпо, станина, трансформатор, а там и дом тети Нюры, он въезжает прямо в сени, тут у нее чулан, сало и бочка с солеными огурцами, квашеная капуста, и пахнет приятно, как в детстве, когда он мальчиком с покойным отцом сюда ездил, тетя Нюра в своем ватнике: «Витюшка, родимой, иди, иди быстрее!», она совсем молодая, очень даже молодая, она моложе Виктора, бодрая, глаза блестят, она сильно помолодела за зиму, «сюда, сюда, подь сюда!», Виктор идет с ней в горницу, он вдруг очень захотел есть, «тетя Нюр, а пожрать нет ничего?», «погоди, щас дам, подь сюда», «жрать хочется», она сует ему миску щей с салом, он жадно ест вкуснейшие щи с салом, она сдвигает домотканый коврик, открывает свой погреб: «ну-ка, глянь, лотоха!», Виктор, поедая щи, склоняется над погребом, там лежит картошка, «вот это в Москву и повезешь!», он понимает, что ради этой ебаной картошки тетка заставила его в воскресенье все бросить и приехать в Горку, «ты что охренела, тетя Нюр?! На хера мне твоя картошка?!», «да ты погодь, глянь, как перезимовала-то хорошо!», глотая щи с громадными кусками сала, он со злобой глядит в подвал на картошку, лежащую ровными рядами, и вдруг различает, что погреб полностью повторяет зал Думы, а картошка рядами — депутаты, он приглядывается: каждая картофелина оживает своим лицом, многие знакомые лица, он понимает, что дура тетка и не догадывается Что у нее в подвале, что теперь его Задача: собрать эту картошку и бережно довести до Москвы, а то, если Дума пойдет на семена, у него больше не будет работы, объявят новые выборы, а он будет просто бомбить на своей «девятке», вместе с теткой они собирают картошку в мешок, он бережно берет картофелины и они мгновенно оживают известными и не очень лицами, Мироныч, Зюганыч, Илюха, Митроха, Мороз, а вот и хозяин, Виктор прячет эту картофелину отдельно в бардачок, мешок на заднем сиденье, он крепко завязан, его надо бережно довести, тетка и не знала, кто у нее перезимовал в подвале, Виктор моет руки в щях, берется за руль, выезжает, но возле сельпо и трансформатора проваливается в жидкую землю, все затоплено, все течет и хлюпает, джип выдирается из жидкой земли, Виктора охватывает ужас, он помогает джипу собственными мышцами, напрягая их, но колеса растворяются в жидкой земле, она обглаживает сталь, съедает кузов, джип начинает погружаться в трясину, но у сельпо толпа таджиков, «ребята, помогите!», таджики явно ждали, хватаются за машину, но не вытаскивать из трясины, в окна они тянутся, к мешку, раздирают холстину, хватают, воруют депутатов, чтобы продать чеченам для выкупа, так это и есть чечены, а не таджики, нет, это сомалийцы, «что ж вы делаете, твари?!», они воруют, воруют, мешок пустеет, хозяин пищит в бардачке, один он остался, но уже не до него, двери не открываются, земля до самых окон, Виктор лезет в окно, ноги больно засасывает и обсасывает жадная земля, обглаживает, облизывает до костей...

Стук в стекло. Виктор открывает глаза, начинает быстро вылезать из машины, но он отсидел ноги, они не слушаются. Он кое-как выбирается, открывает заднюю дверь.

ДЕПУТАТ Обиделся?

ВИКТОР Немного...

ДЕПУТАТ (устало плюхается на сиденье) Все. Не вечность.

ВИКТОР (садясь за руль) Куда?

ДЕПУТАТ Во временное.

Машина покидает поселок. Вслед за ней выезжают другие машины. Постепенно главная улица поселка пустеет, остаются только две милицейские машины. На улицу въезжает «хаммер», выкрашенный в маскировочный цвет, с эмблемой ВДВ на боках.

Останавливается напротив дома №1. Из «хаммера» выходят двое в форме ВДВ — капитан и прапорщик. В милицейской машине оживает громкоговоритель.

ГРОМКОГОВОРИТЕЛЬ Жители поселка «Светлые ручьи»! Просьба быть готовыми к не мучениям во имя героического! Сейчас произойдет Чистое! (повторяет несколько раз)

Прапорщик достает из машины реактивный пехотный огнемет «Шмель» РПО-3, готовит к выстрелу, передает капитану.

КАПИТАН (принимает из рук прапорщика огнемет, быстро кивая головой) Прапор Лось.

ПРАПОРЩИК (ответно кивает) Кэптэн Слон.

Капитан прицеливается в окно мансарды дома №1, делает выстрел. В мансарде происходит вспышка со взрывом.

ПРАПОРЩИК Чистое!

Капитан бросает пустой корпус огнемета на землю, достает из кармана блокнот, заносит в графу дом №1, ставит крестик, ставит время, расписывается, убирает блокнот.

КАПИТАН Прапор Лось.

ПРАПОРЩИК Кэптэн Слон.

КАПИТАН Дом №4.

ПРАПОРЩИК Есть.

Прапорщик садится за руль, капитан садится рядом, они подъезжают к дому №4, выходят из машины, прапорщик готовит огнемет, передает капитану.

КАПИТАН Прапор Лось.

ПРАПОРЩИК Кэптэн Слон.

Капитан стреляет в мансарду дома №4 из огнемета.

ПРАПОРЩИК Чистое!

Дальше все повторяется: капитан заносит номер дома в блокнот, ставит время, расписывается, они едут к следующему дому. Так они поджигают все 7 домов поселка. Дома горят. Капитан закрывает блокнот, прячет его в карман.

КАПИТАН Прапор Лось.

ПРАПОРЩИК Кэптэн Слон.

КАПИТАН (ловко хватая прапорщика за нос) Хоп-муха!

ПРАПОРЩИК (замерев) Муха Изабелла Но села на говно, поела, посидела, в Москву полетела: снимать бабло, красить ебло.

Капитан отпускает нос прапорщика. Прапорщик вытягивает из своего кармана металлическую фляжку, дает капитану. Капитан отпивает из фляжки, протягивает фляжку прапорщику, тот тоже отпивает.

КАПИТАН По коням.

Садятся в «хаммер» и уезжают из поселка. Две милицейские машины тоже уезжают. Семь домов горят. В поселок с воем въезжают семь пожарных машин, останавливаются напротив горящих домов, выдвигаются лестницы, пожарные лезут, заливают огонь. Струя воды вспугивает из сада горящего дома №5 голубого

попугая. Он вылетает на улицу, садится на почтовый ящик. Попугай слегка опален. Попугай сидит на ящике, дрожа и косясь по сторонам.

ПОПУГАЙ Супрематизм!

к о н е ц